

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

Институт философии

Кафедра культурологии, философии культуры и эстетики

Зав. кафедрой Культурологии,
философии культуры и эстетики
д.ф.н. Соколов Б. Г.

Председатель ГАК, главный научный
сотрудник, Институт русской
литературы РАН,
д. филол. н. Котельников В.А.

Выпускная квалификационная работа на тему:

**Феномен анонимности в истории культуры и его место в эпоху новых
медиа**

Направление подготовки, магистратура – 033000/51.04.01 Культурология
Образовательная программа – Мифодизайн социокультурной реальности

Рецензент:

Выполнил студент

Киселевич Андрей Викторович

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор

Савчук Валерий Владимирович

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. АНОНИМНОСТЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	7
1.1. Архаика: боль означивания.....	7
1.2. Приватное и публичное в контурах Античности.....	11
1.3. Средневековье: кластеры ускользания	12
1.4. Что дальше, если нет короля?	16
1.5. В защиту антиутопии	22
ГЛАВА II. ИЛЛЮЗИИ ИНТЕРНЕТА	25
2.1. На пути к коммуникативной утопии.....	25
2.2. Киберутопизм vs. Интернетоцентризм.....	29
2.3. Реальность тотальной слежки.....	36
2.4. Клиповое мышление.....	38
2.5. Ж. Делез об обществе контроля.....	41
ГЛАВА III. АНОНИМНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ ..	44
3.1. От средств коммуникации к медиа.....	44
3.2. Свобода, маска, децентрация.....	45
3.3. Мем-теория и «бедный образ».....	47
3.4. Философия техники: предостережения и интуиции.....	49
3.5. Иллюзия Интернета: девять параграфов спустя.....	51
3.6. Принцип анонимности и коллективное тело медиа.....	52
3.7. Стерильность, инвалидизация, дефицит.....	54
3.8. Апология анонимности: круг замкнулся	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	63

ВВЕДЕНИЕ

Экстенсивное развитие средств электронной коммуникации, начиная со второй половины XX в., становится существенным фактором для изменения как форм, так и содержания социальных взаимодействий. Последние десятилетия можно обозначить как становление цифровой эпохи: Интернет уже стал неотъемлемой частью жизни в значительной части мира и продолжает захватывать все большие сферы общественной деятельности, а также определять конкретные формы социальных феноменов. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о характере этих феноменов: на каких основаниях они покоятся, каков характер их природы, являются ли они чем-то действительно новым как прямым порождением цифровой эпохи?

Одним из таких феноменов, особенно привлекающим внимание в культурных и технологических условиях современности, является феномен анонимности. Трудно сейчас представить развитое общество, в котором отсутствовали бы сложные протоколы идентификации личности, Интернет же в первые годы своего распространения казался вестником эпохи свободы, так как государственная власть была не в состоянии контролировать свободные коммуникационные потоки. Приватность же обеспечивалась за счет анонимности сетевой коммуникации, тесно связанной с техническими сложностями идентификации. Тем не менее, подобный проект потерпел поражение, в связи с чем возникает вопрос о причинах; так как анонимность предполагалась одним из ключевых элементов данного проекта, есть основания предполагать наличие у феномена анонимности дополнительных культурных смыслов.

Помимо очевидного, лежащего на поверхности понимания анонимности через призму современных технологий коммуникации, остаются также другие смыслы этого понятия, так или иначе проявленные на протяжении европейской культуры и обнаруживающие себя в разных

качествах. Особое место в работе уделено современной ситуации новых медиа и медиареальности в целом.

Тема работы звучит следующим образом: «Феномен анонимности в истории культуры и его место в эпоху новых медиа». Понятие новых медиа используется как обозначение медиа, являющихся на данный момент передовыми, так же, как это понятие используется в медиафилософии. В контексте мифодизайна разработка данной темы видится способом прояснить многие современные социальные мифы, в частности, миф об исключительной негативности анонимности.

Объектом исследования является европейская культура, рассмотренная в историческом преломлении от архаики до ситуации медиареальности. **Предмет исследования** – феномен анонимности в качестве культурного элемента, имеющего влияние на всех этапах развития европейской культуры, в столкновении с противостоящим ему феноменом власти.

Цель исследования: прояснить положение феномена анонимности в культуре, выявить способы его влияния на культуру, доказать, что анонимность возникает вместе с культурой, является ее структурным элементом, а также продемонстрировать зависимость специфики анонимности от конфликта с механизмами власти и контроля.

Достижение данной цели предполагает следующие **задачи:**

- определение момента первого появления феномена анонимности в истории культуры
- определение характера феномена анонимности на разных этапах формирования культуры
- анализ влияния феномена анонимности на развитие культуры
- анализ феномена Интернета через призму концепта анонимности
- выявление влияния Интернета на становление медиареальности
- анализ медиареальности и выявление места анонимности в ней

Теоретической базой при выполнении данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных культурологов и исследователей культуры, теоретиков масс-медиа, медиафилософии.

Обзор библиографии. Библиография включает в себя, с одной стороны, классический корпус авторов, представляющих европейскую теоретическую мысль XX в. (Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, С. Жижек), с другой стороны – работы философов, относящихся к классикам медиафилософии (В.В Савчук, Д. Кампер, К. Вульф). Остальные источники так или иначе располагаются в поле культурологии, затрагивая такие темы, как архаика, средневековье, медиа, коммуникации. Отдельно можно выделить книгу Р. Докинза «Эгоистичный ген», имеющую неожиданное значение в русле данного исследования.

В основе **методологической базы** данного исследования использован *диахронический* метод, позволивший провести последовательное выявление необходимых фактов, относящихся к проблеме, и *структурно-функциональный*, с помощью которого стало возможно провести анализ. Также использованы общенаучные методы *системности* и *экстраполяции*.

Структура работы. Настоящее исследование состоит из оглавления, введения, трех глав, заключения, библиографического списка использованной литературы.

Первая глава «Анонимность в истории культуры» посвящена анализу феномена анонимности в культуре, последовательно разбираются архаика (с выявлением истока понятия анонимности и преломление через концепцию М. Фуко), античность (с использованием категории публичного/приватного), средневековье (вводится понятие «кластера ускользания», анализируются феномены паломничества и ереси), Новое время (используется концепция власти М. Фуко). В пятом параграфе разбирается знаменитая дистопия «1984» как перекресток между анализом власти и рассмотрением вестника свободы.

Вторая глава «Иллюзии Интернета» посвящена рассмотрению Интернета в историко-культурном и культурологическом ключе, излагается краткая история, рассматриваются концепции понимания и использования Интернета, способные вызывать иллюзии, излагаются современные методы слежки с использованием технологии, в качестве перехода к следующей главе рассматривается феномен клипового мышления и концепция общества контроля Ж. Делеза.

Третья глава «Анонимность в условиях медиареальности» раскрывает место феномена анонимности в структуре медиареальности, доказываемая оправданность использования понятия анонимности. Анализируется структура медиареальности, свойства информации, выделяется основная проблема современного человека в описанных условиях и дается попытка обозначить способы ее решения.

ГЛАВА I. АНОНИМНОСТЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

1.1. Архаика: боль означивания

Согласно Большому Оксфордскому словарю, «анонимность» означает «находиться в анонимном состоянии», в свою очередь прилагательное «анонимный» значит «не имеющий имени».¹ Толковый словарь Ушакова не содержит в себе существительное, а прилагательное трактуется точно так же: «неизвестный по имени».² Действительно, наиболее распространено использование понятия анонимности в утилитарных целях, когда следует в буквальном смысле обозначить нежелание автора того или иного текста или действия. Значение слова «аноним» можно применить к любому произведению искусства, научному труду; следует также различать анонимность как сознательную позицию автора по отношению к своему произведению от вынужденной позиции средневекового монаха. Но только ли этим фигура автора является определяющей, ограничивается ли данный феномен одним этим смыслом?

Архаическая культура на начальных своих этапах не нуждалась в анонимности, как минимум по причине отсутствия понятия авторства, стоящего в оппозиции. Выработка коллективной идентичности изначально игнорирует этот аспект, будучи сосредоточенной на зависимости от воспоминаний и механизма памяти – это утверждает К. Вульф, когда пишет о миметическом воспроизводстве эмоций и воспоминаний в ритуалах. Как память, так и воспоминания селективны, память занимается отбором пережитых событий, а воспоминание выбирает из этого выбранного комплекта то, что нужно вспомнить прежде всего. Обращаясь к концепции Э.Тулвинга, Вульф приписывает процессам памяти свойство начинаться уже в раннем возрасте, а также выделяет:

¹ Oxford Dictionaries // Anonymity. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/anonymity> [дата обращения: 25.04.16]

² Толковый словарь Ушакова // АНОНИМ. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=699> [дата обращения: 25.04.16]

- первичную основную память, содержащую неосознанные восприятия,
- память рутинных действий,
- семантическую память, содержащую освоенное знание,
- эпизодическую память, являющуюся автобиографичной.

Именно эпизодическая память «отличает людей от животных и именно к ней в первую очередь обращены акты воспоминания»³. Вспоминаемое человеком зависит в равной степени от окружающих его людей, так как именно коллективные воспоминания формируют сообщества. В дальнейшем ведущую роль в образовании общества играет ритуал, вписывающий эмоции в память; его можно понимать в качестве действия, в основе своей имеющий инсценирование и перформативность. Ритуалы помогают не только создавать сообщества, но также сообщать их между собой или реструктурировать изнутри; они выступают в качестве социальных конфигураций, отличных от речевых форм коммуникации, в которых создаются порядок и иерархия путем совместного социального действия и его интерпретации. В комплексе эти три вида процессов – миметические, ритуальные и перформативные – взаимодействуют в ходе формирования человека и конституирования субъекта. В условиях архаики анонимность пока видится избыточным концептом: здесь еще нет полноценного выделения индивидуального начала, мир воспринимается как предельно «слитное, обезличенное равенство»⁴, при этом он вечно обновляется, совершая в своем развитии круговое движение; смерть понимается не как нечто самостоятельное, а выступает неизменно в связке со своей противоположностью. Однако, если обратиться к истокам письма, мы обнаружим, что мысль человека архаики естественно вырастает из самой жизни, органично с ней сливаясь, но после этого начинает обретать самостоятельность, в конечном итоге способную заменить ее собой. Речь идет о резании органических материалов – в первую очередь костях

³ Вульф К. Миметическое воспроизводство эмоций и воспоминаний в ритуалах // Политическая концептология. – 2011. – № 3. – С. 153

⁴ Фрейденоберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – С. 30–447 с.

животных; первые следы «записи» представляют собой выцарапанные линии⁵. Эти царапины следует понимать как первые знаки на поверхности мира – животное представляет собой облик Вселенной и писец преобразует мир в соответствии с мимесисом, отдавая знаку свое тело и воплощаясь им же в знаке одновременно. По сути, это тело, которое пишет, но в то же время записывается, это тело клеймит само себя в то же самое время, когда списывает клеймо с родового тела на тело Земли. Дитмар Кампер пишет, что «ранние свидетельства сигнификации выдают способность, которая сегодня встречается крайне редко: способность почувствовать боль материала, на который наносятся знаки. Согласованность ощущений доходит до нерасторжимости. Разделение еще не свершилось: разделение между субъектом и объектом, которое запустит игру силы и власти»⁶.

Д. Агамбен анализирует понятие гения, рассматривая его историю: «Латиняне называли *genius* бога, под чьей опекой каждый человек оказывается в момент рождения»⁷. В определенном смысле этот бог есть выражение того начала, которое определяет существование человека в целом; он есть то, что нам наиболее близко. Но вместе с этим Агамбен отмечает и глубоко противоположный смысл, отмечая *genius* в качестве безликой, анонимной силы, которая инициирует процесс субъективации человека. История человечества в целом – это результат экстерииоризации, управляемой *genius*, экстерииоризация означает зарождение культуры, предполагающей непрерывный захват и освоение новых территорий. Здесь и возникает анонимность как нечто содержащееся в самой структуре культуры, являясь ее скрытым источником.

Неизбежность различения внешнего приводит к все более и более интенсивной сигнификации, которая отмечена постоянной болью. Ужас культурного знака превращается в праздник и безудержный смех; происходит

⁵ Савчук В.В. Кровь и культура. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995.— С.136

⁶ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей / [Перевод с нем., сост., общ. ред. и вступительная статья В. Савчука]. – СПб.: Издательство РХГА, 2010. – С. 32

⁷ Агамбен Дж. *Genius* / Профанации [пер. с итал. К. Токмачева] - М.: Гилея, 2014. – С. 7

рождение экстаза, соединяющего предельные ощущения удовольствия и боли. Невыносимость боли от нанесения знаков на чистую поверхность преодолевается именно за счет техники вхождения в организованное тело; но именно невозможность, учитывая тотальность сигнификации, списать эту боль на других концентрирует ее невыносимость. Процедура сигнификации является процедурой обозначения подвластной территории, культурный знак – это знак власти. Как пишет В. Савчук, отмечая сходство между «насилием» и «населением», «населить, обжить, претворить «хаос» в «гармонию» ухоженного места, дома, угодий, поля и пастбища, следовательно, изменить мир согласно своему представлению – значит притеснить его, нарушить сложившийся порядок»⁸. Анонимность в данной ситуации выступает как стремление освободиться от кровавого гнета знака, так или иначе избавиться от власти; уже в этом месте можно зафиксировать онтологический характер анонимности, которая выступает своего рода апофатическим стержнем культуры (апофатическим постольку, поскольку способным определяться через сигнификацию и идентификацию, будучи безликим самому), обязательным структурным элементом.

Тем не менее, фигуру автора в смысловом поле понятия анонимности можно парадоксальным образом реанимировать с помощью «убийства» – как делает в своем знаменитом докладе «Что такое автор?» М. Фуко, сопоставляя письмо со смертью. Древнегреческое сказание предназначалось для увековечения бессмертия героя, но для этого была необходима ранняя смерть, после которой его жизнь, освященная таким образом, ушла бы в бессмертие; арабский рассказ имел такую же тему, «рассказ длился до раннего утра именно для того, чтобы отодвинуть смерть, оттолкнуть срок платежа, который должен был закрыть рот рассказчика. Рассказ Шехерезады – это отчаянная изнанка убийства, усилие всех этих ночей удержать смерть вне круга существования»⁹. По мысли Фуко, письмо неизбежно связано с

⁸ Савчук В.В. Кровь и культура. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995.— С. 146

⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Что такое автор? [пер. с франц. С. Табачниковой] - М.: Касталь, 1996. — С. 14

жертвой и жертвоприношением самой жизни, становящееся добровольным стиранием и совершается в самом существовании писателя; творение ради бессмертия получило право быть убийцей своего автора, при этом пишущий субъект сам запутывает все следы и знаки своей индивидуальности, в результате чего маркер писателя теряется и в игре письма он теперь вынужден исполнять роль мертвого. Речь, разумеется, не идет об исчезновении автора как такового: акцент смещается в сторону функции классификации дискурсов, группировки их между собой, противопоставления, разграничения, или приведения в определенные отношения, имя автора также может выступать в качестве метки для определения способа бытия дискурса. В таком смысле «убийство» автора как имени собственного возрождает его в качестве своей противоположности – анонимности, глубоко и неистребимо вживляющейся в тело культуры, подобно греческому герою, умерщвленному ради бессмертия.

1.2. Приватное и публичное в контурах Античности

Дальнейшая дифференциация человеком окружающего мира, выработка механизмов рефлексии и конструирование субъекта неизбежно приводит его к очерчиванию собственных границ, после чего происходит дезинтеграция единого коллективного тела. В данном контексте имеет смысл связать феномен анонимности с культурной категорией «приватного/публичного», где он имеет точки соприкосновения с обоими понятиями.

Если говорить об античной культуре, то, поскольку она в значительной степени описывается ситуацией архаики, в ней «сфера приватного в общем синкретизме социальной реальности организационно не выделяется»¹⁰. Общинный, а в дальнейшем и полисный образ жизни держали человека в границах социальной открытости, регламентируя и вынося в область

¹⁰ Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. – 2002. – №. 1. – 2002. – №. 1. – С.126

общественного обсуждения все, что сейчас мы привыкли относить к сфере частного. Постепенно сфера частного начинает расширяться, в период эллинизма уже прослеживаются разнообразные проявления, такие как частное право, частная переписка и т.п., хотя общинный принцип все еще остается социальной доминантой, способной разрушать границы частности при необходимости. Особенно ярко это видно на примере рассмотрения правовой системы Рима, где общее благо выступало в качестве основного критерия разграничения публичного и частного права, а соотношение между ними решалось однозначно в пользу первого. Поскольку публичные дела являлись общими интересами, их был уполномочен охранять каждый гражданин; специфика римского права допускает институт защиты публичных интересов с помощью средств частного права¹¹. Основным моментом здесь является то, что частное возникает из общего, в противовес дифференцирующему мышлению, интегральность и целостность первична; так что публичное и частное право относятся друг к другу как целое и часть, а не как равнозначные элементы; также следует отметить здесь и присутствие анонимности, но скорее не в перспективе сопротивления, а в качестве подспорья примату действия, здесь каждый получал именно столько, сколько он заслужил.

1.3. Средневековье: кластеры ускользания

Закат эпохи Августа был отмечен отношением римлян к своей публичной жизни как к формальной обязанности. Римлянин пассивно подчинялся правилам, но вкладывал значительно меньше энергии в акты повиновения; окончательное исчерпание публичной жизни дало указание на новую точку приложения своей энергии, которую римляне нашли именно в сфере частного, выступившую мистическим проводником, возможностью ускользнуть от контроля со стороны сферы публичной жизни и долго. Как

¹¹ Аксенова О.В. Публичное и частное в римском праве: аксиологический аспект: Автореф. дис. канд. юр. наук. – Казань, 2007. – С. 22

пишет Р. Сеннет, «эти убеждения имели своим источником различные ближневосточные секты, среди которых христианство постепенно стало доминирующим; в конце концов, христианство перестало быть духовным убеждением, практикуемым в тайне, ворвалось в мир и само стало новым источником общественного порядка»¹².

После распада империи Каролингов конституируется новая доминирующая идея – тождество земного порядка вещей с Церковью. Так приватное и публичное попадают в соподчинение по отношению к сакральному. Социальный синкретизм, свойственный античной культуре, в той или иной степени сохраняется, частная жизнь также сохраняет свой прозрачный характер через, например, отдельные институты покаяния и исповеди. Реальность продолжает медленно разделяться на сегменты – возникают сословно-корпоративные структуры, в которых приватная жизнь подчинена жесткой регламентации согласно их интересам. Монархи были заинтересованы в привлечении института религии на свою сторону по причинам его значительного влияния на средневекового человека, так, епископы управляли многими городами на правах графов, а через какое-то время им стали жаловать и остальную территорию; города с кафедральными соборами находились на особом попечении¹³. Именно в это время институт контроля и власти начинает набирать огромную силу; основой явилась идеологема единого христианского мира, составляющими которой (помимо тождества Церкви и земного порядка вещей) стали идеи смирения и покорности. Библейская история становится главным источником коллективных представлений о прошлом, а ее отдельные эпизоды должны были не просто учить, а вызывать стремление подражать. В контексте такой идеологии средневековое общество порождает жесткую как сословную, так и внутрисословную иерархию, что заставляет скрытые внутри культуры силы

¹² Сеннет Р. Падение публичного человека / [пер. с англ. О. Исаевой и др.] - М.: Издательство "Логос", 2002. – С. 5

¹³ Богучарский А.В., Марченко Т.А. Феномен публичности в средневековой культуре // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2012. - №2. – С. 106

анонимности подниматься наружу, создавая локальные очаги сопротивления внутри сложившейся структуры.

В качестве примера подобных очагов сопротивления можно привести феномен паломничества. Замкнутость раннего средневековья, предполагающая идеал статичности и вечного порядка, заставляет проснуться импульс движения; жажда движения будто бы заранее содержится в образе неподвижности. Современный медиевист Ж. Ле Гофф отмечает неслыханный расцвет паломничества, когда появляется так называемый *homo viator* («человек дороги»)¹⁴. В широком смысле паломниками (или пилигримами) мог называться не только тот, кто держит путь к святым местам, но и любой человек, пребывающий вне своей родины. Люди средневековья противоречиво находились между своими родными невзрачными местами и отдаленными горизонтами всего христианского мира, где мир опутан сетью дорог, ведущих во всех возможных направлениях. Реакция Церкви на это изначально была положительной, причем паломничества в виде актов смиренного покаяния всячески поощрялись и поддерживались. Истинной целью паломничества Церковь попыталась представить именно покаяние, акт самоотречения от прошлой жизни. Тем не менее, уже в XII в. благотворный характер паломничества ставится под сомнение: например, предложение раздать нищим деньги, отложенные на путешествие, выставляется более богоугодным, а польза от самого путешествия на самом деле лишь в том, что человек может увидеть там красивые места, при этом сам туда отправился, ведомый мелким тщеславием. Возникает противопоставление пилигрима и монаха, для которого «дорогой» является уединение и полное подчинение воле настоятеля; именно институт монашества наиболее остро отреагировал на попытку ускользнуть из зоны контроля, изощренно критикуя «самоугодливых рабов чрева», доходя до максимально изящных схоластических попыток представить именно монашество как паломничество, а путь паломника – как

¹⁴ Ле Гофф Ж. Рождение Европы / [пер. с фр. А. Поповой] - СПб.: Александрия, 2007. – С. 105

монашеское служение. Постепенно паломничество лишается ореола праведности и покаяния и образ паломника приобретает сугубо негативную окраску в перспективе взгляда Церкви как структуры власти.

Куда более опасным для дерзнувшего ускользнуть туда сегментом была ересь. Христианство сопровождалось ересями практически с самого начала его истории, ортодоксальная линия развивается постепенно, отдельные программы зарождаются параллельно и Церковь достаточно рано начинает их осуждать. После XII в. в столкновение вступают две тенденции: Церковь стремится избежать господства со стороны светских властей, последние же стремятся менее зависеть от Церкви. По сути, еретические движения представляли собой форму протеста против тотальности господства Церкви, охватывающего как духовное, так и земное. Атака на ереси готовилась Клюнийским орденом, имевшим в христианском мире огромное влияние. Настоятель монастыря написал три трактата, ставших руководством по ортодоксальному христианству. Один из этих трактатов был направлен против священника, отказавшегося от заупокойных месс, второй трактат стал первым в христианском мире выступлением против Мухаммеда, наконец, третий – сочинение, клеймящее евреев как богоубийц; также Церковь концептуализирует ересь как болезнь, ничем не уступающую чуме по опасности и последствиям заражения¹⁵. Таким образом сегмент реальности, управляемый изнутри принципом анонимности как сопротивления жесткому означиванию, приводит к еще более жесткому ответу и вытесняется за пределы универсума. К середине XIII в. Европа была ввергнута в войну против еретиков, удачно представленной в качестве «светского крестового похода», а в 1232 г. Папа Григорий IX учредил папскую инквизицию, которая обладала юридическим правом судить еретиков на всем христианском пространстве и в качестве основного метода своих действий использовала чудовищные пытки. Кластеры ускользания в этот период, гарантируя избравшему их человеку возможность следовать собственному пути,

¹⁵ Ле Гофф Ж. Рождение Европы / [пер. с фр. А. Поповой] - СПб.: Александрия, 2007. – С. 133

становятся по-настоящему опасными и отмеченными печатью стигматизации, тем самым придавая ситуации пребывания в них оттенок подлинности переживаний, ощущения подлинности существования.

1.4. Что дальше, если нет короля?

М. Фуко ставит этот вопрос практически во всех произведениях, его исследования неизменно вращаются вокруг этой ключевой для французов темы Революции. Ее границы скрепили между собой современность и классическую эпоху Разума. М. Фуко, разумеется, следует очень давней традиции французской исторической науки, но предпринимает попытку написать «другую историю», в которой казнь короля стала бы не самым ярким событием: в связи с этим и поднимается такой вопрос.

Прежде всего, необходимо выделить режимы существования власти. Один из них – старое, где власть воплощена в королевском теле, учитывая характерные атрибуты; другой – современное, власть здесь рассеяна по всему социальному пространству и не принадлежит никому. Феномен королевского тела очень важен для Фуко, но не сам по себе, а в качестве возможного ориентира для дистанции, чтобы сосредоточить внимание на другом полюсе, где расположены его антагонисты М. Фуко пишет, что «на другом полюсе можно представить себе тело осужденного; он тоже обладает правовым статусом, создает собственный церемониал и вызывает целый теоретический дискурс, но не для того, чтобы обосновать избыток власти, а для того, чтобы выразить недостаток власти, отпечатывающийся на телах тех, кто подвергся наказанию».¹⁶ В отличие от исследователей проблематики ментальностей, Фуко выбирает проблематику практики, в какой-то степени приближаясь к марксизму на этом уровне аналитики. Здесь выделяется новый тип различий между режимами, связывая их с практиками власти.

В обществе Старого порядка вовсе не царят практики жестокости, как можно подумать сначала, напротив, древнейший тип дисциплины был

¹⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999. – С. 44

известен на Западе уже в первых монастырях, а с XVI по XVIII вв. зарождаются разнообразные дисциплинарные практики. Фуко так и называет общество того времени дисциплинарным. Однако после казни короля дисциплина приобретает характер практики власти, которая определяет сам режим ее существования, поэтому классические дисциплинарные институты, включая больницу, тюрьму и психиатрическую лечебницу, формируются именно после казни короля.

В классической политической теории новым сувереном после короля может быть только народ, но для Фуко народ – фикция, он не может быть источником власти ни в форме целого, ни в форме выборных представителей. Ликвидация королевской власти приводит к народному самоуправлению лишь в качестве иллюзии. Отсутствие короля используют профессиональные психиатры, промышленники, организаторы школьного образования и медики. Они становятся агентами власти, практикующими дисциплину; по сути, она даже им не принадлежит, а вписана в структуру институтов, от имени которых они действуют. Революция перераспределяет власть от единственного центра к многочисленным центрам, представляющим собой именно дисциплинарные институты и скрепляющую их бюрократию. Так появляется особое пространство, в котором нет центра, но в великом множестве горят «очаги власти».

Также важную роль в данной концепции играет понятие населения; что интересно, народ и нация, бывшие традиционным объектом внимания исследователей, совершенно его не интересовали Фуко. Они рассматривались как фикция, порожденная конкретным типом политического дискурса ради легитимации перераспределения власти от суверена к его подданным. Но, как было отмечено, в возможность такого перераспределения Фуко не верит; помимо прочего, там, где было принято обнаруживать нацию, теперь можно найти другую реальность – население. Когда Фуко говорит о реальности населения, он подразумевает не только абстракцию технологии управления,

но и реальное тело. Впрочем, это тело продолжало скрываться в тени тела короля. «В обществе вроде общества XVI века тело короля был не метафорой, а политической вещью, его телесное присутствие было необходимо для жизнедеятельности монархии... У Республики нет тела. Напротив, в течение XIX века новым началом становится тело общественное»¹⁷.

Видимо, прежде всего следует обратить внимание на политическую реальность, рассмотренную под углом географии и антропологии. Народ как республиканское тело было возможно исключительно в мире античности, где малая территория полисов позволяла собрать всех мужчин-воинов в одном строю. Республика нового типа не имеет такой возможности, поэтому локализовать такое тело становится невозможно. Территориальный фактор – главный отгалкивающий принцип, который рассеивает тело Республики на сегменты. Также свою роль играют другие мотивы, например, изменение характера строя воинов, который представляет собой не просто мужчин-воинов, а сложный ансамбль инвалидов, который растет в том числе за счет детей и женщин. Республика не отождествлена с мужской частью, поскольку никакое ополчение более не может поддерживать ее военную безопасность – наступление эры огнестрельного оружия требует изменения масштаба тела; поэтому и возникает население как абстрактное тело общества.

Трансформация из абстракции в реальное становится возможным после появлений конкретных способов изучения населения; визуализация была обеспечена полицией – управленческой технологии дисциплины. Изначально она представляла собой комплекс власти-знания, но со временем из этого комплекса выделились новые отрасли, взявшими контроль за отдельными сферами жизни населения, а также появились сборщики данных о каждой из этих отраслей. Отмечая наиболее общие причины, в качестве катализаторов появления категории «население» Фуко называет демографический подъем

¹⁷ Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. - М.: Праксис, 2002. – С. 161

XVIII в. в Западной Европе, необходимость интеграции активности людей в аппарат производства, а также чрезвычайную важность контроля всех сторон общественной жизни более превосходными и адекватными механизмами власти. Выделение причин более конкретных излишне. Так или иначе, население становится все более сложно дифференцированной реальностью, требующей специфической организации и структурирования. С этого момента управление государства связывается с многочисленными техниками надзора, вмешательства и анализа.

Рассеянность населения в физическом пространстве является его характерной чертой, оно не может быть собрано ни в одном из его мест, как уже было упомянуто; но зато известны места, откуда оно берет свое начало – это точки прироста и воспроизводства, главным из которых является семья, ведь именно в семье рождаются дети, формирующие впоследствии население. Фуко соединяет проблему детей как демографическое соотношение рождений и смертей с проблемой детства, выживания до уровня взрослого. Здесь необходимо учитывать физические и экономические условия выживания, достаточное количество инвестиций для преодоления границы бесполезности – «проблема заключается не в определении оптимального числа детей, а в правильном управлении этим возрастом. «Со второй половины XVIII в. семья – это мишень для великого предприятия медицинской аккультурации. Первая волна этого натиска проявляется в форме заботы о детях»¹⁸. Озабоченность власти проблемами воспроизводства населения привела к смене фокуса внимания на тело женщины-матери. Уже в середине XVIII в. бурно развиваются психиатрия и гинекология, выступающие основными инструментами медицинского контроля над женским телом, причем прежде всего объектом вмешательства становится женщина из буржуазных слоев.

¹⁸Михель Д.В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко. // Журнал исследований социальной практики. - 2003. - Т.1. № 1. – С. 101

Крайне важным является то, что утверждается асимметричность характера властных отношений: власть конституирует идентичность субъекта действия с помощью маркеров, но объект воздействия власти вовсе не марионетка; скорее, он интерпретатор, который реагирует на привнесенные властью условия в социальную среду. Практика свободы находится внутри оппозиции разума и безумия, проявляясь в сопротивлении норме. Там, где есть власть, всегда есть сопротивление, как пишет Фуко: «Объекты власти творчески интерпретируют предписанные требования, вносят смеховой, игровой элемент в отношения с властью. Сопротивление объекта власти приводит к изменению системных отношений, формированию других форм субъективности, отрицающих систему идентификаций, «закон истины», навязываемый господствующими культурными стереотипами. Система координат власти имплицитно включает «элемент свободы»¹⁹.

Важнейшую роль также играет группа феноменов, трактуемых как социальные патологии. Их реестр пополнялся в течение всего XIX в.: сюда входили гомосексуальность, неконтролируемые контрацептивные практики, пьянство, самоубийства, безумие, заразные болезни. Опасности подстерегали тело населения на каждом шагу, поэтому основными стратегиями государственного управления стали профилактика и обеззараживание. Фуко выстраивает концепт «диспозитива», этимологически относящегося к картографированию во время военных действий; этот концепт объединяет привилегированные объекты государственного вмешательства – это тело ребенка, тело матери, тело гомосексуалиста и совокупное тело брачной пары, использующих контрацепцию. Что между ними общего? Поток невидимых сил, который то набирает мощь, то грозит остановиться – речь, разумеется, идет о репродуктивном потоке; контролируя эти точки, власть может приводить силу потока в норму. Буржуазная репродукция продолжает оставаться принципиальным объектом контроля вплоть до конца XIX в.,

¹⁹Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Что такое автор? [пер. с франц. С. Табачниковой] - М.: Касталь, 1996. — С. 144-145

после утверждения буржуазии в качестве социального класса, она начинает проводить самостоятельную политику, утверждая ценность собственного тела и противопоставляя концепции «аристократического расизма», то есть, консервации, концепцию «буржуазного расизма», целью имевшей динамику и экспансию.

Как видно из концепции М. Фуко, с движением истории институт власти не стоит на месте, а усиливает свои позиции, изобретая новые, все более изощренные механизмы собственной реализации, воплощаясь в виде дисциплинарного общества. Стоит обратить внимание на то, что в этот период структуры власти, в отличие от статичной монолитности средневековья, сами заимствуют стратегию ускользания, дифференцируясь на множество специализированных кластеров (хотя и объединенных общим принципом функционирования). Это дает дополнительную возможность утверждать, что специфика существования анонимности взаимопределена конфликтом с линией власти; впрочем, Фуко утверждает этот тезис прямым текстом. Что же касается возможностей ускользания в этот период, то принцип анонимности реконфигурирует кластеры ускользания соответственно тому же вектору, подразумевая, тем не менее, некий качественный скачок: власть предпринимает попытку усложнить свою структуру, на что зоны анонимности отвечают немедленно, грубо и безыскусно. Реакцией на стерильную чистоту и ослепительный свет акушерского наблюдения становится грязь, тьма и разврат, а стигматизация безумия оборачивается переживанием подлинности существования в условиях искусственного выталкивания за пределы общества. Ш. Бодлер, А. Рембо, П. Верлен, Э. По, О. Уайлд, В. ван Гог, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр – все они избрали стратегию ускользания, которая уже содержалась в новой конфигурации власти, мрачный декаданс и эстетизация безумия перекроили социальное тело Европы вплоть до начала следующего столетия. Истоки такого ответа также можно проследить через теорию Т. Адорно и М.

Хоркхаймера о нарастании власти инструментального разума, которая повела европейскую цивилизацию на путь постепенного саморазрушения.

1.5. В защиту антиутопии

Любопытным видится также рассмотрение классической антиутопии Дж. Оруэлла «1984», изображающей общество тотального контроля. Главный герой романа – мелкий партийный работник Уинстон Смит, работа которого заключается в изменении документов согласно постоянным изменениям линий партийной пропаганды. В обществе действует жесткая социальная иерархия, во главе которой якобы стоит Старший брат (якобы постольку, поскольку его никто никогда не видел – такую модель анонимности власти впоследствии использует Пол Пот). «На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты, ни стал, глаза тебя не отпускали. Старший брат смотрит на тебя, - гласила подпись»²⁰. Этот образ постоянного наблюдения усиливается средствами научного прогресса, в квартире каждого человека располагается телекран – гибрид видеокамеры и телевизора, который невозможно отключить, контролирующей как внешнее, так и внутреннее; человек постоянно находится под давлением как потока идеологии, так и вероятности наблюдения за ним прямо здесь и сейчас. Под контроль ставятся абсолютно все сферы деятельности человека, включая любовь и дружбу, в разработке находится проект по искоренению возможности «мыслепреступлений» путем радикального обеднения языка, любой якобы такой же бесправный «элемент общества» может оказаться сотрудником полиции мыслей, детей с самого раннего возраста учат следить за собственными родителями, тренируют в качестве скаутов и будущих солдат.

Основной момент здесь в том, что даже подобная гротескная тотальность контроля не может охватить реальность полностью. Несмотря на всю последовательную и, казалось бы, предельную антигуманность, данная

²⁰ Оруэлл Дж. 1984. // Lib.ru. URL: <http://lib.ru/ORWELL/r1984.txt> [дата обращения: 26.04.16]

конфигурация все равно будто бы сама допускает возможность ускользнуть, молчаливо дает согласие на это. В квартире главного героя телекран был почему-то расположен не так, как должен был, в результате между стеной и телекраном образовалось небольшое пространство, где Смит мог какое-то время почувствовать себя свободным. Вести личный дневник строго запрещено, но возможность купить чистую тетрадь и чернила существует, а вскрывающие суть режима оппозиционные книги сам режим и выпускает. Несмотря на возможность следования стратегиям ускользания, роман заканчивается мрачно – Смит обнаруживает, что находится под наблюдением полиции мыслей уже семь лет, затем ею же подвергается истязанием и попадает в ситуацию столкновения с самым ужасным, что только можно себе представить, после чего полностью ломается и осознает принципиальную невозможность бунта против сложившейся системы. Впрочем, подобный финал логически следует из художественного замысла Оруэлла, здесь он необходим в качестве назидательной фигуры – если автор собирался написать важное предостережение, то любой другой финал рассказанной истории лишит его смысла. Ключевой момент находится в самой истории, в мыслях и действиях Уинстона Смита: если кластеры ускользания существуют, то ими нужно пользоваться; разумеется, существует опасность наказания за пребывание в этих кластерах, но именно опасность во многом и определяет характер этого пребывания. Даже если зоны свободы являются искусственно созданными ловушками, их нет смысла избегать, если они способны обеспечить ощущение подлинности существования и освобождения от непрерывного наблюдения.

ГЛАВА II. ИЛЛЮЗИИ ИНТЕРНЕТА

2.1. На пути к коммуникативной утопии

Экстенсивное развитие науки в целом и средств электронной коммуникации в частности, начиная со второй половины XX в., становится существенным фактором для изменения как форм, так и содержания социальных взаимодействий вплоть до вероятного пересмотра самого понятия социальности. Последние десятилетия XX в. можно обозначить как

становление цифровой эпохи: Интернет уже давно стал неотъемлемой частью жизни для значительной части планеты и продолжает активное наступление на неосвоенные сегменты реальности, а также определяет конкретные формы социальных феноменов. Неизбежно возникает вопрос о характере этих феноменов и их природы, об их основаниях и формах воплощения. Независимо от контекста, практически всегда при попытке серьезного разговора об Интернете вопрос о феномене анонимности возникает одним из первых, что позволяет предположить его исключительную важность в данном месте.

В качестве культурного феномена Интернет можно определить как медиум, сделавший возможным общение многих со многими в любой момент времени, учитывая также глобальный масштаб. По аналогии с «галактикой Гутенберга» (М. Маклюэн), возникшей в результате создания печатного станка, мир новых Интернет-коммуникаций можно назвать «галактикой Интернета»²¹. Создание и развитие Интернета демонстрирует яркий пример выхода людей за рамки в поисках пути новой реальности. Корни этого явления можно обнаружить в середине XX в. в США, где в 1958 г. для мобилизации научно-исследовательских ресурсов было основано APRANET²². В 1969 г. создается компьютерная сеть APRANET, задача которой заключалась в катализации исследований процессов взаимодействия с компьютерной техникой. В основу построения сети легла революционная технология коммутации пакетов данных, которая обеспечила возможность существования децентрализованной гибкой сети. К 1971 г. в сети насчитывалось уже пятнадцать узлов, большая часть из которых являлась университетскими научно-исследовательскими центрами, следующим шагом стало подключение к APRANET других сетей (PRNET и SATNET), что дало возможность ввести концепт более высокого порядка – «сеть сетей»; 1973 г. ознаменовался публикацией статьи о базовой архитектуре глобальной сети,

²¹ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: ООО «Издательство «У-Фактория», 2004. – С. 15

²² Агентство по перспективным исследовательским проектам

авторы которой использовали результаты работ, проводимых представителями разных компьютерных центров, связанных с собой посредством APRANET. Следующий шаг требовал наличия стандартизированного коммуникационного протокола для связи разных сетей друг с другом; этот протокол был создан также в 1973 г. и получил название TCP, а в 1978 г. он был разбит на две части с добавлением межсетевых протоколов, в результате чего появился протокол TCP/IP, стандарт, который используется в основе Интернета по сей день.

В 1990 г. APRANET, будучи уже устаревшей технологически, выводится из эксплуатации, Интернет избавляется от военного окружения и правительство США принимает решение запустить процесс его приватизации, поскольку технология организации сетей стала всеобщим достоянием, а сфера телекоммуникаций была практически дерегулированной. М. Кастельс отмечает, что речь идет не столько о передаче Интернета в частную собственность, сколько о снятии с государства ответственности за его работу путем передачи его в общественное и частное управление²³. Параллельно с этим началось выделение финансовых средств производителям компьютеров для того, чтобы они включали TCP/IP в свои протоколы; в конечном итоге, благодаря первоначальному проекту многослойной децентрализованной архитектуры и открытых коммуникационных протоколов, уже в начале 1990-х гг. Интернет начал стремительно развиваться в качестве глобальной сети, доступ к которой предоставлялся на коммерческой основе. Эта глобальная сеть оказалась способной бесконечно расширяться и реконфигурироваться в соответствии с возникающими потребностями коммуникации.

Финальным штрихом в развертывании глобальной сети стала разработка WWW, Всемирной паутины. Необходимо было приложение, которое позволило бы связывать информационные ресурсы между собой

²³ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: ООО «Издательство «У-Фактория», 2004. – С. 25

посредством интерактивной обработки данных. Американский философ и IT-специалист Т. Нельсон еще в 1965 г. предвидел появление гипертекста, а работающего над данным проектом с начала 1960-х гг. Однако, первое полноценное воплощение гипертекста создал Т. Бернерс-Ли, который к концу 1990 г. создал протокол передачи гипертекста, язык его разметки, унифицированный идентификатор ресурсов и программу для редактирования и просмотра: именно комплекс этих модулей стал называться Всемирной паутиной. Что особенно интересно, Т. Нельсон окончил разработку собственной системы в 2014 г., потратив на это более пятидесяти лет. Система Нельсона «Xanadu» подразумевает создание единого адресного пространства, где каждый байт данных будет иметь уникальный адрес, а виртуальные файлы – собирать, обрабатывать и предоставлять информацию пользователю. Такая структура подразумевает непрерывную связь обрывков информации с оригиналами, возможность оставлять комментарии к любой странице и ссылаться на любое место документа из любого места другого. Таким образом, по мнению создателя, создается своего рода литература, в рамках которой ссылки всегда находятся в пределах доступа, а также присутствует полноценная система защиты авторских прав. В настоящее время Нельсон не видит никаких перспектив соперничать с уже утвердившимся глобальным гипертекстом и сейчас рассматривает «Xanadu» как альтернативу форматам, пытающимся имитировать бумагу. По поводу Всемирной паутины Нельсон высказывается резко негативно: «Проект Xanadu – это не провал попытки изобрести HTML. HTML – это именно то, что мы пытались предотвратить: постоянно рвущиеся связи, ссылки, ведущие только наружу, невозможность отследить оригиналы цитат, отсутствие правового регулирования»²⁴.

После выхода WWW в свет, совершались попытки модифицировать исходную модель, наиболее успешной стала система Mosaic,

²⁴ Nelson T.H. Ted Nelson's Computer Paradigm, Expressed as One-Liners // Xanadu Australia URL: <http://xanadu.com.au/ted/TN/WRITINGS/TCOMPARADIGM/tedCompOneLiners.html> [дата обращения: 02.05.2016]

в которую была интегрирована усовершенствованная графика, обеспечивающая возможность поиска и распространения изображений, а также эргономичные элементы интерфейса. В 1994 была образована компания Mosaic Communications, которую позже пришлось переименовать в Netscape Communications: в октябре 1994г. компания разместила информацию о первом коммерческом браузере, а в 1995 г. стала распространять браузер через Интернет: для использования в учебных целях бесплатно и по цене в \$39 для коммерческого использования. Оглушительный успех Netscape заставил признать Интернет со стороны Microsoft, которые запустили собственный браузер Internet Explorer, входящий в стандартную поставку операционной системы Window 95. Как видно, к середине 1990-х гг. Интернет уже был приватизирован, и его принципиально открытая архитектура дала возможность соединить все компьютерные сети планеты в одну глобальную сеть.

Феномен анонимности имеет непосредственное отношение к теме Интернета как минимум в его преломлении через дихотомию частного/публичного. Наличие у человека имени, судя по всему, сопоставимо по древности с возникновением высокоартикулированной речи; в ходе истории идентификация человека становится все более сложной и детализированной; сейчас трудно представить себе развитое общество, в котором отсутствовали бы сложные протоколы идентификации личности: от общегражданских паспортов до биометрии. Но уже задолго до оформления собственно Интернета возникло представление о нем как вестнике эпохе свободы, так как государственная власть была не в состоянии контролировать свободные коммуникационные потоки, приватность же обеспечивалась как раз за счет анонимности сетевой коммуникации, тесно связанной с техническими сложностями относительно идентификации. Тем не менее, дальнейшее развитие технологий и пристальное внимание к этому вопросу со стороны государственных структур порождают множество способов

контроля, наблюдения и идентификации. Грубо говоря, контролер знает код сети, обычный пользователь – нет. Также следует особое внимание уделить самому понятию «сети»: сетевая структура с неизбежностью означает наличие в ней определенных узлов, потому что потенциальная континуальность так или иначе ограничена принципом дискретности изнутри, так что глобальная свобода, если предположить будет достигаться ценой локального контроля.

2.2. Киберутопизм vs. интернетоцентризм

В процессе существования Интернета бок о бок с обществом происходит глубокая трансформация власти, которая теперь окончательно переходит в область производства и распространения культурных кодов и информации. Сетевые коммуникации приобретают слишком большое значение в современности, вступая в статус полной имманентности миру, поскольку архитектура сети предполагает ее функционирование вплоть до уничтожения последнего подключенного к ней компьютера. Контроль сети становится рычагом, который способен превращать интересы и ценности в руководящие принципы, вплоть до возведения в статус идеологии. М. Кастельс считает, что о свободе в контексте современного состояния Интернета говорить вообще не имеет смысла, поскольку «в действительности она никогда не дана, это постоянная борьба, способность предопределять независимость и осуществлять демократию в любом социальном контексте»²⁵, тем не менее, он сохраняет определенный оптимизм, считая Интернет средством объединения людей и потенциальной площадкой для выравнивания фундамента демократизации.

На самом деле прямая и жесткая цензура – это крайняя мера. Правительства, желающие сохранить контроль, непременно должны прибегать к более изощренным и менее очевидным мерам. Интернет

²⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: ООО «Издательство «У-Фактория», 2004. – С. 194

действительно лишь кажется неконтролируемым, происходит это обычно в случаях узкого определения контроля через жесткость. Такой подход соблазнителен и многие до сих пор пребывают в плену иллюзии о бесконтрольности киберпространства, где граждане одержали победу, при этом совершенно забывая об эффективности традиционных методов контроля, до сих пор применяемых государствами.

Е. Морозов, говоря о такой иллюзии, обозначает ее как киберутопизм, критикуя, в том числе взгляд М. Кастельса на эмансипирующую природу сетевых коммуникаций. Цифровая горячка 1990-х годов во многом объясняется выросшим и осевшим в университетах поколением хиппи, увидевшем в Интернете возможность совершить то, что им сами не удалось в 60-х гг. Также вводится термин «интернетцентризм», полагаемый столь же ошибочным, как и киберутопизм; суть его заключается в исключительной озабоченности вопросом «Как?», в то время как киберутопизм занят вопросом «Что?»²⁶. Обе позиции ведут в никуда, пока мы исходим из ложных посылок киберутопизма и пользуемся совершенно непригодными методами интернетцентризма, реальность остается в стороне, а нам достаются иллюзии как единственный возможный продукт такого симбиоза.

Образы двух наиболее ярких антиутопий XX в., видимо, способны объяснить суть современного авторитаризма сетевой структуры. Ригидность мышления этих концепций, взятых в отдельности, зачастую приводит как к неразличению хакслианских элементов в диктатуре, так и оруэлловских – в демократии. Как писала Н. Кляйн, «Китай внешне становится похож на Запад («Старбакс», «Хутерс», крутые мобильные телефоны), а Запад становится похожим на Китай в менее заметных чертах (пытки, несанкционированное прослушивание переговоров, бессрочное содержание под стражей)»²⁷. Очевидно, что большинство современных диктаторов готовы

²⁶ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. - М.: АСТ, Corpus, 2014. - 570 с. // URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=342735&pg=3> [дата обращения: 04.05.16]

²⁷ Klein N. China's All-Seeing Eye. - 2008. // URL: <http://www.naomiklein.org/articles/2008/05/chinas-all-seeing-eye> [дата обращения: 04.05.16]

расстаться с образом мира Оруэлла, поскольку второй путь предполагает значительное удешевление расходов на контроль. Власть в лице государственных структур в современном мире уже не так жаждет крови; простое отвлечение людей в перспективе может принести гораздо больше денег, чем практики арестов, слежки и цензуры. Зачем Старшему брату следить за гражданами, если они увлеченно следят за коллизиями «Старшего брата»²⁸ на экране?

Тем не менее, «развлекательный» контроль вовсе не является единственной формой авторитарной политики. Наивный киберутопизм снова и снова воспроизводит мысль о том, что необходимость в цензуре загоняет авторитарные режимы в угол, так как они страдают от экономических последствий, по причине несовместимости цензуры с глобализацией, либо не используют ее и рискуют получить революцию. Очередная иллюзия рисует образ каждый раз недалекого будущего, в котором авторитарные правительства не могут существовать без информационных технологий, причем они все равно падут, потому что граждане выйдут на улицу требовать честные выборы: но проблема заключается в том, что кроме КНДР не существует ни одного авторитарного государства, которые не приняли Интернет. Подобная «дилемма диктатора» кажется привлекательной по причине вездесущего ригидного мышления и склонности к переживанию иллюзий, так как допускается невозможность тонкой фильтрации, поощряющей деятельность в сети, способствующую экономическому росту, и одновременно пресекающую политическую деятельность, хотя такая фильтрация не является чем-то невероятно сложным. Технологии web 2.0 и переход к новым медиа запускают механизмы настройки, с течением времени становящиеся все более тонкими и незаметными. Самый наглядный пример – контекстная реклама, использующая технологии формирования облака ключевых слов, особенно любит сейчас этим заниматься Google: их почтовый робот самостоятельно сканирует переписку, выявляет в ней ключевые слова и

²⁸ Big Brother - один из наиболее успешных проектов реалити-шоу.

затем формирует рекламные блоки, рассчитанные на каждого пользователя в отдельности. Facebook поступает еще более изощренно, пытаясь эксплуатировать присущий современному человеку нарциссизм – он анализирует «лайки», поставленные его друзьями. Теперь точно так же можно представить системы цензуры, индивидуально подогнанные в соответствии с их семантическими портретами.

Еще одной причиной незаметности контроля и цензуры может являться то, что их осуществляют не правительства. В большинстве случаев достаточно лишь заблокировать доступ к какой-то конкретной записи в блоге, но гораздо проще ее удалить, а поскольку у правительств таких полномочий формально нет, это могут делать компании, владеющие веб-платформой. Контроль сети в соответствии с заранее разработанным набором рекомендации – мечта любого правительства; компании прекрасно знают поля, на которых трудятся, они успешнее справятся с искоренением нежелательного и, что крайне важно, ни один пользователь не может приказать таким компаниям, апелляции к свободе здесь не имеют смысла. Правда, в данном случае транснациональные корпорации выглядят немного лучше, чем компании, работающие в авторитарных странах, но все равно сама структура сети содержит слишком много узлов, и чем больше посредников при распространении информации, тем больше возникает моментов, когда эту информацию можно исказить.

Посещение Интернета не было безопасным никогда, стремительное распространение социальных медиа только ухудшает ситуацию, потому что теперь практически вся производимая нами информация теряется в ее непрерывно растущих объемах. Такое положение все-таки можно назвать безопасностью – но лишь безопасностью благодаря безвестности. Все, что попадает в сеть остается, там навсегда, как гласит знаменитый отчасти шуточный, но от этого не менее глубокий тезис. Любой человек оставляет за собой след, к тому же, само устройство новых медиа редко пытается скрыть

информацию участников от всех прочих, дабы не возводить много коммуникативных барьеров. Все большее число видов человеческой деятельности пропускается через медиа, вливаясь в цифровой мир. Отсюда следует, как уже было отмечено, что возможность регистрации поведения огромных контингентов населения легко может быть зарегистрировано и обработано тем или иным способом. Современные методы анализа аккаунтов социальных сетей позволяют с высокой долей достоверности определять возможных преступников; по этому причине в настоящее время маньяки, вопреки распространенному мнению, стараются избегать социальных сетей, но в то же время человек, у которого нет аккаунта, точно так же попадет под подозрение более внушительных масштабов. С помощью метода «группового отпечатка» полиция будет в состоянии просто посмотреть журнал посещений и идентифицировать человека, даже не спрашивая паспорт. Разумеется, можно всячески соблюдать меры предосторожности, но многие следы, которые каждый оставляет за собой, просто не видны невооруженным взглядом, зато вооружением обладает Google, который перекраивает сеть с каждой реконfigurацией поисковых запросов пользователей.

Складывается впечатление, что в сформировавшемся обществе анонимность в ракурсе конфиденциальности и безопасности просто не нужна. Степень насыщения общества информационными технологиями и развитие коммуникационного бизнеса просто не оставляет места для анонимности. У абсолютного большинства пользователей слишком мало возможностей для обеспечения своей анонимности, и, опять же, безвестность выступает в виде достаточно хлипкого, но гаранта. Кроме этого, для многих пользователей анонимность так или иначе является ограничителем повседневного комфорта.

Параллельно технологиям контроля развиваются и технологии противодействия, скрытые силы анонимности сопротивляются растущему давлению. К концу XX в. набирает силу движение криптоанархистов,

основной тезис которых гласит, что совершенствование технологий и расширение интернет-коммуникаций открывает огромные возможности для компьютерной слежки за людьми, поэтому защитой от такого явления может быть разработка и использование криптографии; среди прочего, криптоанархисты создают обособленные виртуальные сообщества, каждый участник которых остается анонимным до тех пор, пока сам не пожелает себя раскрыть. В своих поисках способов создания и развертывания информационной инфраструктуры, которая не могла бы быть подвержена авторитарному вмешательству, криптоанархизм подстегнул развитие технологий в этом направлении. В результате появились такие феномены, как криптовалюта и даркнет («темная, теневая сеть»). Криптовалюта – это электронный механизм обмена, эмиссия и учет которого децентрализован, функционирование такой денежной системы происходит в рамках компьютерной сети; с распространением технологии криптовалют развивается анонимная торговля. Следует отметить, правда, что полной анонимности эта технология не гарантирует, поскольку даже однократное нарушение мер безопасности может повлечь за собой раскрытие личности, но это, так или иначе, серьезный шаг вперед. Что касается даркнета, он представляет собой частную сеть между доверенными узлами с использованием нестандартных протоколов передачи информации. Конгломерат таких сетей образует специфическую структуру дарквеба («темный, теневой Интернет») ²⁹. Само собой, развитие технологий подобного рода не может не привлекать внимание со стороны криминальных структур. Как следствие этого внимания, в совокупности с государственной пропагандой создается социальный миф об исключительной незаконности дарквеба как такового, а также всего, что происходит в его границах: сюда относятся торговля наркотиками, оружием, крадеными кредитными картами

²⁹ Не следует путать с понятием дипнет («глубокая сеть»), которое означает те веб-страницы, которые не индексируются поисковыми системами). Дарквеб – это лишь часть дипнета.

и т.д. Несмотря на привлекательность дарквеба для подобной деятельности, в этом сегменте можно встретить самых разных людей, объединяет их исходная вера в возможность защиты от авторитарного контроля.

Итак, как следует из анализа характера сетевых коммуникаций, в Интернете действует мнимая анонимность, поскольку с одной стороны каждый пользователь обладает возможностью не называть себя, оставаясь анонимным для остальных пользователей, с которыми он коммуницирует в пределах сети, а с другой стороны существуют и постоянно совершенствуются развитые технологии контроля и наблюдения, которые позволяют государственной власти совершенно четко идентифицировать пользователей. Интернет возможно использовать в качестве кластера ускользания, но основная проблема заключается именно в изначальной иллюзии о том, что эти кластеры станут не нужны – по причине якобы демократичной и глобальной сети, выводящей коммуникацию на качественно новый уровень и действительно объединяющей, ломающей механизмы власти. В общем и целом, проект Интернета как «доброй» коммуникативной утопии потерпел сокрушительное поражение, при этом продолжая до сих пор витать в культурном пространстве в качестве соблазнительной, но отравляющей иллюзии. Кроме того, есть еще один аспект, касающийся иллюзии, но о нем следует продолжить уже в следующей главе.

2.3. Реальность тотальной слежки

Необходимость разработки и применения систем слежения обычно мотивируется государственными интересами. Находящиеся в распоряжении государства спецслужбы отслеживают ситуацию как внутри государства, так и за его рубежом; усугубляет ситуацию террористический фактор, которому тяжело противостоять без оперативной и достоверной информации. Социолог Э. Гидденс уже в 1985 г. констатирует, что «слежка достигла максимальных

масштабов в современных государствах»³⁰. Как уже было отмечено, наблюдение осуществляется не только государственными структурами, но и крупными корпорациями – это эффективная стратегия менеджмента и маркетинга. Современный топос города позволяет собрать о человеке огромное количество информации; несмотря на возможность избавиться от контактов со знакомыми, человек все равно оказывается под наблюдением полиции, налоговой службы, страховых организаций и т.д. Рост информационных технологий открывает путь к возможности сбора информации, носящей сугубо личностный характер – от данных о кредитах до ассортимента покупок в какой-либо из дней недели. Руководители фирм получают возможность следить за действиями своих сотрудников на рабочих местах, читать электронную почту, полностью или выборочно блокировать доступ в Интернет.

К началу XXI в. по миру прокатилась волна сооружений пунктов слежения, фиксирующих перед собой все, любой человек может попасть в зону видимости независимо от своего желания. По плотности размещения таких камер лидирует Лондон, в среднем его житель ежедневно попадает под прицел трех сотен камер. Продажи цифровых камер растут, основная доля рынка ориентирована на средние организации, устанавливающие системы наблюдения за сотрудниками. В США в практику входят следящие системы, по сути представляющие собой пеленгаторы – с их помощью можно как наблюдать за своим ребенком, играющим во дворе, так и отслеживать пребывание собаки. Существует прогноз, который утверждает способность государства к 2023 г. осуществить фиксацию на видео каждого из более чем трехсот миллионов жителей; в этом случае фрагментарный мониторинг оборачивается тотальным.

В использовании технологий слежки заинтересованы все: государство, бизнес, частные лица. Естественно, беспокойство по этому растет все

³⁰ Giddens A. The Nation-State and Violence. Vol. 2: of A Contemporary Critique of Historical Materialism. - Cambridge: Polity Press, 1985. - 399 p.

сильнее, но шествие технологии остановить невозможно; объемы информации будут расти все быстрее, в результате чего люди начнут еще быстрее терять контроль над информацией о себе. Неупорядоченное вмешательство в частную жизнь человека обострило этический вопрос: какая информация необходима, а какая нет, на каком этапе происходит покушение на суверенность личности? Этическая сторона проблемы остается «повисшей в воздухе»; так что ввиду отсутствия правовой базы относительно свободно себя чувствует бизнес-среда, где проблемы этики носят малозначительный характер. Свобода информации, вывернутая наизнанку – это шпионы, хакеры и пираты. Несмотря на развитие технологий сбора и анализа данных о клиентах, промышленный шпионаж все еще остается эффективным способом для победы над конкурентами. Ради получения информации в ход идет абсолютно все – снимается фиксация исключительно на технологической стороне вопроса, широко начинает использоваться социальная инженерия, а в крупных компаниях создаются свои варианты спецслужб, занимающихся как обеспечением внутренней безопасности, так и шпионажем.

С появлением совершенных информационных технологий развивается космическая разведка. Космические корабли, спутники-шпионы, беспилотные скауты – все это оснащается разнообразной аппаратурой. Информацию, полученную в результате их активности, обычно предполагают использовать в научных и военных целях. В США создаются информационные системы наблюдения, такие как GIG, которые должны будут формировать тотальный информационный контроль и перехват глобального информационного трафика. В скором времени нас, судя по всему, ожидает всеобщий мониторинг планеты и ситуация параноидального психоза в качестве стандартной повседневной практики. Вероятно, не стоит радикально демонизировать Интернет, но значительная часть исследований в области информационной безопасности последних сорока лет инспирирована

именно им и его пафосом глобальности, превзошедшим все прочие медиа, существовавшие до него.

2.4. Клиповое мышление

Традиционно носителем информации в западной культуре были книги, большинство из которых подчинялось внутренней структуре. Главы, следующие друг за другом и подчиненные генеральной идее, становились логическими звеньями, а в заключительной части выдвигались выводы. Технология книгопечатания позволила транслировать свои идеи в гораздо более широких масштабах, чем в предыдущую эпоху. Как отмечал М. Маклюэн, «печатный текст научил людей организовывать все остальные виды собственной деятельности на основе принципа систематической линейности». Если в эпоху Нового времени жизнь действительно была похожа на книгу, где одна глава следовала за другой, то современная жизнь естественным образом похожа на гипертекст, в котором детерминированность исчезает.

Феномен клипового мышления был отмечен еще в 1973 г. французским социологом А. Модем, который он обозначил как мозаичный. В этой теории культура предоставляет человеку экран понятий, с которым тот сопоставляет свое восприятие мира. Рациональная система понятий строится на классической системе образования, сейчас же распространение средств массовой информации провоцирует интенсификацию потоков информации, в результате чего влияние образования на когнитивный стиль снижается, а способность индивидов к системному мышлению начинает постепенно разрушаться. Э. Тоффлер в «Третьей волне» описал клиповое мышление как основную форму восприятия, считая его естественной реакцией на обилие информации. Спустя десятилетия после этих работ можно вновь восхититься степенью точности предсказаний гуманитарного знания.

Решающее влияние на закрепление клипового мышления в культуре оказали сетевые цифровые коммуникации. В условиях гипертекстовой структуры критическая оценка получаемой информации становится не нужна (либо носители клипового мышления не способны ее осуществить), поэтому основной установкой становится «наблюдение вместо рассуждения». Чаще всего клиповым мышлением обладают школьники и студенты; отмечаются фундаментальные изменения в режиме восприятия информации – у школьников атрофируется способность самоанализа, падает интерес к учебе, им становится все сложнее читать длинные книги. Акцент смещается в сторону поверхностных признаков, внутренние аспекты игнорируются. Серьезное влияние оказывают новые медиа – в первую очередь социальные сети, где информационная среда оказывается насыщенной до такой степени, что приходится взаимодействовать с ней непрерывно; при этом требуется определенная скорость реакции – с этим, что интересно, у детей проблем не возникает. При этом заядлые пользователи новых медиа редко оказываются в состоянии написать что-либо длиннее, чем сто сорок знаков³¹.

Как ни странно, существует точка зрения о том, что клиповое мышление ведет вовсе не к деградации, а к благотворной адаптации к условиям информационного общества. Необходимо перерабатывать слишком большие объемы информации, с которыми человек «старого стиля» просто не справится. Современный член информационного общества должен уметь ориентироваться в потоке информации. Занятно, что, как и в случае с феноменом массовой и тотальной слежки, положительные оценки клиповое мышление получает со стороны бизнес-сферы; предполагается, что успех не требует обладания системным мышлением, достаточно лишь уметь выхватывать из картины важные фрагменты. Звучит это сомнительно, потому что клиповое мышление просто не позволит совершить такую операцию, поскольку момент критичности отсутствует.

³¹ 140 знаков – ограничение на длину поста в микроблог-сервисе Twitter

О противопоставлении двух групп говорил У. Эко, отправляя в одну из них людей, смотрящих телевизор и получающих готовые визуальные образы, а в другую – использующих текстовые источники в Сети, в результате чего готовых к критическому осмыслению. В конечном итоге, как он заявляет, что «пролетарское большинство пользуется только зрительной коммуникацией, а планируется эта коммуникация компьютерной литературной элитой», хоть и концентрируя снобистский пафос, но все же высказывая действительно важную мысль – вербальное сообщение можно осмыслить критически, а невербальное – нельзя либо очень тяжело. Как впоследствии будет видно из анализа медиареальности, Эко был прав во всем, кроме одного нюанса – получающие информацию с помощью компьютера люди точно так же оказались в большинстве своем неспособными критически мыслить. Вероятно, если бы развитие сети остановилось в конце XX в., прекратилось наращивание пропускной способности каналов связи и развитие видеотехнологий, о «компьютерной литературной элите» можно было бы говорить, но в настоящее время противопоставления вообще потеряли смысл, поскольку клиповое мышление, судя по всему, стало массовой и повсеместной характеристикой современности, пропитанной тотальностью цифровых коммуникаций.

2.5. Ж. Делез об обществе контроля

Главу о скрытых интенциях и иллюзиях Интернета наиболее логичным видится завершить концепцией Ж. Делеза об обществе контроля. Он проводится на основе и в сопоставлении с концепцией общества дисциплины М. Фуко. Делез предполагает, что Фуко знал о кратковременности модели дисциплинарного общества, но дальнейшее развитие показано не было – в результате мы находимся в стадии кризиса изоляционных пространств. Реформировать институты семьи, завода, тюрьмы и других не имеет смысла, поскольку они в любом случае обречены, речь идет лишь о способе

управлять агонией людей, пока они ждут новых структурирующих сил. В качестве этих сил Делез вводит понятие общества контроля, заранее предупреждая, что требуется искать новое оружие, вскользь касаясь принципа анонимности при утверждении тенденций как порабощения, так и освобождения в структуре общества контроля. Возвращаясь к дисциплинарному обществу, Делез обозначает механизмы контроля как вариации одной и той же структуры, называя ее модуляцией, в то же время выделяя в качестве модулей пространства изоляции, где модуляция деформирует их. Основное отличие дисциплинарных обществ от обществ контроля в том, что в первых человек вынужден постоянно «обнуляться», начинать сначала, тогда как в обществах контроля ничего никогда не заканчивается.

Важны два полюса дисциплинарных обществ: личная подпись и регистрационный номер. В обществах контроля важен только шифр. Делез полагает язык общества контроля цифровым, который либо допускает к информации, либо нет. Дисциплинарные общества управлялись лозунгами, на смену которым приходят пароли. Особое внимание следует уделить деньгам, на примере которых разбирается различие – дисциплинарное общество связано с монетой, содержащей в себе золото как количественный эталон, общество контроля же ссылается на модуляцию и плавающий курс обмена. В типах машин Делез тоже легко находит соответствия, так как уверен в том, что они выражают социальные формы, использующие их. Так, старые общества суверенитета использовали часы и рычаги, дисциплинарные сообщества в качестве основных сделали машины, использующие энергию и подразумевающие опасность саботажа, общество контроля имеет дело с компьютерами и кибернетическими машинами, пассивная опасность которых – зависание, а активная – пиратство и заражение вирусами. Отсюда же выводится и принцип мутации капитализма, который в XIX в. был капитализмом концентрации ради производства и собственности; сейчас же

он занимается не производством, а сверхпроизводством – не нужно покупать сырье и продавать товар, такой капитализм покупает готовый товар или собирает его из мелких частей. В таких условиях завод также исчезает со сцены, уступая место корпорации. Все остальные институты становятся шифрованными фигурами и инкорпорируются в циркуляцию банков. Создание дисциплинарных пространств более неактуально, поэтому завоевание рынков происходит через захват контроля, а центром корпорации становится маркетинг. Нас учат, что у корпорации есть душа – тот самый маркетинг, теперь он становится инструментом контроля. Меняется характер сделок, осуществляемых теперь молниеносно, приносящих такие же молниеносные прибыли, в то время как дисциплинарные общества были нацелены на долгосрочные и периодические проекты. Статус человека меняется с заключенного на должника.

Достаточно просто вообразить себе механизм контроля, который давал бы возможность получать информацию о месте каждого элемента в пространстве. Допустим, есть электронная карта, открывающая соответствующие двери, но в один прекрасный день она может не сработать: важен не барьер, а оператор, осуществляющий глобальную модуляцию. Делез пытается представить различные механизмы контроля в разных пространствах: для тюрем вводятся электронные ошейники, школам достанутся корпорации на всех уровнях обучения, больница исключит из своего поля как врачей, так и больных, оставляя потенциального больного наедине с самим собой. Все это незначительные примеры, но основной момент в том, что когда речь идет о кризисе институтов, то в первую очередь подразумевается фрагментарное становление нового режима власти.

ГЛАВА III. АНОНИМНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

3.1. От средств коммуникации к медиа

Ситуация современности характеризуется особым местом и значением феномена медиа. Обычно понимание медиа связано в первую очередь с некоторыми экранными технологиями, электронными СМИ, в общем, любым техническим посредником. Но медиа не сводятся лишь к средству, тезис М. Маклюэна «средство коммуникации есть средство сообщения»³² прямо указывает на то, что аспект посредничества явно недостаточен для определения медиа, необходимо рассматривать их также и в качестве чего-то,

³² Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / [пер. с англ. В. Николаева] - М.: Жуковский: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – С. 6

ценного не только в контексте выполняемой функции, но и в качестве самостоятельного феномена, сообщения или символического жеста. В этом смысле следует разделить средства коммуникации от собственно медиа, так как средства коммуникации занимаются опосредованием общения, а природа медиа раскрывается в производстве новой реальности; по выражению В. Савчука, «средства коммуникации – вне нас, а медиа – внутри нас»³³. Череда «поворотов» в философии XX в. в конечном итоге приводит нас к медиальному повороту, фиксирующему осознание за любым способом и условием восприятия свойства медиальности. М. Мерло-Понти замечает: «Если бы я захотел точно выразить перцептивный опыт, мне следовало бы сказать, что некто во мне воспринимает, но не я воспринимаю»³⁴, фиксируя момент деперсонализации в восприятии, ощущения активности чего-то еще.

Неимоверная скорость расползания компьютерных технологий приводит к расползанию сети, становящейся средой жизни, жизнь же, в свою очередь, трансформируется в поток информации, заключенной в цифровых образах. Природа медиа заключается именно в конституировании реальности, в конструировании ее путем вытеснения людей из сферы непосредственных отношений. Парадокс современности заключается в том, что средства коммуникации, имеющие в своей сущности функцию сообщения и соединения, на самом деле приводят к разобщению людей, но социальность не исчезает, напротив, медиареальность можно понимать как новый этап генезиса социального; К. Вульф считает правомерным использовать три элемента генезиса социального (мимезис, перформативность и ритуал) по отношению к медиареальности.

В конечном итоге конфигурацию медиареальности можно обозначить максимой «все есть медиа», фиксируя тотальность принципа медиации. Она конструируется в рамках полюсов производства и потребления, зависимых

³³ Савчук В.В. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия. // Медиа философия II. Границы дисциплины. URL: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/31.pdf [дата обращения: 10.05.16]

³⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / [пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина] - СПб.: Ювента, Наука, 1999. - С. 227

друг от друга – в этом смысле медиареальность «игнорирует оппозиции классической рациональности и, в первую очередь, четкость деления на субъективную и объективную реальность, на идеальное и материальное, на реальность и вымысел»³⁵, а конфигурация субъекта меняется на такую, принципиальной чертой которой становится децентрация. Учитывая, что децентрация – изначальный и ключевой принцип структуры Интернета, можно предположить влияние этой структуры на структуру субъекта, а если влияние идет от медиареальности, то в данном исследовании предполагается правомерным дальнейшее использование понятия сети как синонимичного понятию медиареальности; при этом подразумевается не только и не сколько Интернет, сколько структурный принцип соединения цифровых медиа как таковых с человеком и друг с другом.

3.2. Свобода, маска, децентрация

Как уже было сказано, феномен анонимности в рамках киберкультуры обычно рассматривается через призму категорий свободы и приватности. Анонимность часто понимается как возможность формирования альтернативных идентичностей, противопоставляя обезличенности живую энергию творческого акта; происходит своего рода обнуление реальной идентичности, на базе которого становится возможным конструирование множества новых идентичностей, которые, в свою очередь, предполагают возникновение новых социальных общностей. В таком контексте анонимность наиболее емко выражается метафорой маски: предполагается постоянное перевоплощение субъекта за счет смены идентичностей, при этом маска выступает не только в качестве продукта свободного творчества, но и как защита, гарантия безопасности. Однако, такое понимание анонимности, во-первых, упрощено и поверхностно, а во-вторых, следует из устаревшего концепта виртуальной реальности как чего-то противостоящего «настоящей»

³⁵ Савчук В.В. О предмете медиафилософии // Международный журнал исследований культуры: Культурная история медиа. - 2011. - № 3(4) URL: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/69-2011media> [дата обращения: 29.05.16]

реальности: данный концепт в рамках медиафилософии нежизнеспособен, поскольку, как мы уже выяснили, медиареальность объемлет собой все («все есть медиа»), в том числе сеть, коей она и является, по сути.

Тем не менее, здесь присутствует важная мысль – это метафора маски. Существует множество подходов к анализу маски, поскольку она представляет собой очень сложный, комплексный феномен, ведущий свою историю с глубокой архаики. Первоначально маска использовалась в качестве элемента ритуала, в частности, для того, чтобы «присвоить себе коллективное лицо: это не индивид, а коллектив взывает к богам, не индивид, а коллектив производит жертвоприношение»³⁶. Впрочем, присвоение можно трактовать в обратном смысле – это отчуждение насилия, будто бы его производит Другой. В этой связи стоит взглянуть в сторону психоанализа. С. Жижек также отмечает децентрацию субъекта, преломляя идеи Ж. Лакана через призму киберпространства. Децентрация здесь означает «шаткость в определении того, что есть мое реальное «я» или моя внешняя маска»³⁷, она означает проблему идентификации. Жижек предполагает существование множества точек самоидентификации, множества «я», становящихся «тем, чем я хочу быть» - процесс скольжения между этими точками предполагает наличие незаполненного пространства, пустоты; она выступает медиумом в данном случае и, как заключает Жижек, эта медиальная пустота и есть субъект. Современная сеть – максимально удобная область для продуцирования образов «того, кем я хочу быть», повсеместным явлением становится ситуация, когда избранный человеком образ, презентующий его в пространстве социальной сети, со временем становится в той или иной степени присущим этому же человеку вне ее. Сама конфигурация медиареальности навязывает человеку это скольжение между образами, поскольку сама активно занимается разработкой этих образов; место

³⁶ Штайн О. А. Маска в аспекте социальной коммуникации // Вестник ВятГГУ. - 2009. - №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/maska-v-aspekte-sotsialnoy-kommunikatsii> [дата обращения: 03.05.16]

³⁷ Жижек с. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19> [дата обращения: 03.05.16]

анонимности видится здесь совпадающим с местом субъекта – это медиальная пустота и тот фундаментальный принцип, без которого невозможен не только переход между вариантами идентификации, но и сама идентификация.

3.3. Мем-теория и «бедный образ»

Из цифровых коммуникационных процессов создается специфическая форма символической среды, и в этом случае все же можно говорить о виртуальности, если обратиться к постмодернистской аналитике симулякра, согласно которой знаки порывают с реальными вещами и обретают автономию. Р. Докинз в книге «Эгоистичный ген» выдвигает идею мемов – репликаторов, подобно генам копирующих себя для размножения. Они способны размножаться помимо воли своего носителя, а успешность воспроизводства зависит от окружающей культурной среды; мемы способны комбинироваться и разделяться, чтобы создавать новые мемы или комплексы мемов, они борются друг с другом за ресурсы и подвержены естественному отбору. Массовое распространение Интернета рождает специфическую форму – интернет-мем, на западе иногда называемый *internet phenomenon*; он представляет собой информацию в какой-либо форме (обычно в виде визуального образа), зачастую носящую иронический характер и спонтанно приобретающую высокую популярность в интернет-среде. Если рассмотреть мем именно в таком смысле, то его вполне можно обозначить как симулякр – он возникает на основе какого-либо культурного явления (самого, возможно, уже являющегося симулякром) и за счет действия механизма иронии постепенно теряет с ним связь, превращаясь в автономно действующую структуру. Сюда же примыкает концепция «бедного образа» современной художницы и медиафилософа Х. Штейрель, фиксирующая состояние цифровой среды. Бедный³⁸ образ представляет собой сжатое, низкокачественное изображение или видеоролик, «люмпен-пролетарат в

³⁸ имеется в виду разрешение (resolution) цифрового изображения

классовом обществе визуального, расположенного согласно его качеству»³⁹. Его можно загружать, скачивать, делиться им и редактировать, он распространяется преимущественно через социальные сети и пиратские сайты. Множество бедных образов стремится к бесконечности именно за счет атрибута бедности, визуальный хаос становится невозможно расчленишь и дифференцировать, становится все тяжелее установить, когда и кем был впервые использован тот или иной образ, какие интенции он содержал в себе изначально; это вообще не имеет значения. В целом подобного рода «виртуальность» предстает в виде специфического дискурса, для которого характерно сведение языка коммуникации к бессодержательному цифровому кодированию, чистой функциональности операций и пустоте интеракций.

Складывается «энтропийная» культурная ситуация, напрямую связанная с возрастанием количества информации и современный человек вынужден постоянно искать устойчивые ориентиры. Мем, с одной стороны, может «приручать» медиополе и ограничивать информационные потоки, так как представляет собой устойчивую структуру, отсылающую к чему-то уже виденному. С другой же стороны, мемы и бедные образы, оторванные от изначальных референтов, оказываются элементами этого цифрового дискурса и подвергаются непрерывной комбинаторике, увеличивая энтропию. Человек необходим мему только в качестве носителя; он распространяется подобно вирусу, при этом постоянно мутируется, дробится или сливается с другими себе подобными, оставаясь, тем не менее, распознаваемой структурой. Совершенно немыслимая для людей XX в., но типичная ситуация современности – редукция общения до перебрасывания мемами. Особенно заметно это в популярных виртуальных сообществах внутри социальных сетей, где можно увидеть ветки обсуждений вплоть до нескольких сотен комментариев, состоящих исключительно из обмена бедными образами и мемами с минимальными или вообще отсутствующими элементами прямой

³⁹ Steyerl H. In Defense of the Poor Image // e-flux journal. - 2009. - №10. URL: <http://www.e-flux.com/journal/in-defense-of-the-poor-image/> [дата обращения: 02.05.16]

речи. Что характерно, подобный тип «общения» свойственен в значительной степени тем, кто родился на рубеже XX-XXI вв., современные исследования показывают, что дети и подростки в возрасте от 8 до 18 лет в среднем проводят семь с половиной часов ежедневно, используя различные медиа, то есть, более пятидесяти часов в неделю – приблизительно столько же времени большая часть взрослых проводит на работе.

3.4. Философия техники: предостережения и интуиции

Сделаем небольшое отступление перед следующим важнейшим для данного исследования вопросом и рассмотрим некоторые положения, сформулированные в рамках философии техники. Л. Мамфорд противопоставлял политехнике монотехнику. Первую он полагал находящейся в гармонии с многообразными потребностями и устремлениями, при работе с человеческими интенциями работающей в «демократической» манере. Монотехника, напротив, «авторитарная» и ориентирована на экономическую экспансию, материальное насыщение и военное превосходство, то есть, на власть. Истоки авторитарного характера такой техники Мамфорд видит в «мегамашине» - строгой иерархической социальной организации, включающей в себя выполнение работы со сложной коллективной организацией, методами коллективного принуждения и уничтожения. «Энергия, ставшая доступной благодаря машине царской власти, значительно расширила пространственно-временные измерения: те операции, на завершение которых прежде ушли бы столетия, теперь выполнялись за несколько десятилетий»⁴⁰ - пишет Мамфорд, отмечая колоссальное увеличение материальных благ при использовании мегамашины. Однако ценой этого становится ограничение возможностей сфер человеческой деятельности, что ведет к дегуманизации; тем не менее, рождается миф об исключительной полезности техники, которая направлена

⁴⁰ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества [пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава)] - М.: Логос, 2001. – С. 251

именно в русло превосходств; Мамфорд же уверен, что в конечном итоге будет создана всеохватывающая структура, которая превратит человека в пассивное животное, а присущие ему функции будут поглощены машиной. Э. Тоффлер тоже выражает определенное беспокойство: «Технореволюционеры ставят вопрос так: или мы будем контролировать технологию, или она будет контролировать нас»⁴¹.

Ф.Г. Юнгер рассматривает человека как хищника, эксплуатирующего ресурсы природы, без которых она немыслима, и это не может продолжаться до бесконечности. Все расчеты запасов, имеющих в месторождениях – это сомнительные показатели, поскольку такие расчеты потребления ресурсов техническим прогрессом не учитывают, что человек сам принадлежит к этим ресурсам. Юнгер не видит «такого изобретения, которое отменяло бы взаимосвязь между техническим прогрессом и соответствующим ему регрессу»⁴². Человек пользуется насильственно укрощенными силами, поэтому рано или поздно следует ожидать, что они обратят на него свою разрушительную энергию. По сути, человек пробудил духов стихий, спровоцировав месть, и в дальнейшем регресс будет только расти.

По мнению Ж. Эллюля, место капитала господствующую силу в обществе занимает техника, определяемая им как власть, тотальность методов, рационально направленную на абсолютную эффективность во всех областях человеческой деятельности. Он различает технические операции и собственно Технику (феномен техники), которая «состоит в чисто современном способе изготовления и использования артефактов, заключающем в себе тенденцию доминирования над всеми видами человеческой деятельности и объединения их в себе»⁴³. Эллюль последовательно показывает, как феномен техники проявляет себя в

41 Тоффлер Э. Третья волна [пер. с англ.] – М.: АСТ, 2004. – С. 258

42 Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / [пер. с нем. И.П. Стребловой] - СПб: Издательство "Владимир Даль", 2002. – С. 246

43 Митчем К. Что такое философия техники? / [пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова] — М.: Аспект Пресс, 1995. — С 50.

социальных сегментах, преобразуя их, становясь постепенно девизом современности.

3.5. Иллюзия Интернета: девять параграфов спустя

Как мы видим, проблема технологического развития не раз поднималась философией, причем преобладали именно пессимистические взгляды – но предсказания и опасения не вызвали хоть сколько-то серьезного резонанса. Лавинообразный рост технологий ведет к наступлению технологической сингулярности, гипотетическому моменту, после которого технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным для понимания. В современных условиях информация продуцирует сама себя, используя человека лишь в качестве хранилища, жесткого диска, как можно заметить при рассмотрении ситуации обмена мемами (становящейся «общением между мемами»). Если радикализировать данный тезис, то можно вообще отказаться от термина «общение» в данном контексте, как и от термина «интеракция», поскольку на самом деле происходит лишь рост информации как таковой. У Н. Лумана можно найти сходную идею о том, что коммуникация коммуницирует сама с собой: «Коммуникация – не есть способ трансляции чего-то, а способ создания новой структуры»⁴⁴. Мы постепенно теряем контроль над ситуацией, реальность сама реконфигурируется в сложную систему кластеров. Сеть использует ее в качестве подручного средства или инструмента, она глубоко враждебна человеку. Именно в непонимании или отрицании данного факта заключается истинная «иллюзия Интернета» - попытка создать максимально глобальное средство коммуникации привела к возникновению медиареальности. Рассматривая непосредственно информацию, можно заметить, что эпоха ее массового потребления стала возможна именно в данной среде, созданной с помощью цифровых медиа.

⁴⁴ Луман Н. Общество как социальная система / [пер. с нем. А. Антоновский] - М.: Издательство "Логос". - 2004. - С. 46

3.6. Принцип анонимности и коллективное тело медиа

Одно из важнейших свойств информации – ее избыточность и фрагментарность, что означает не просто возможность оперировать ей в отрыве от контекста, появляется фактор скорости. Фрагментарность также означает свойство самосохранения и саморепликации путем включения информационных звеньев в системы знаний. В своем пределе информация стремится быть безучастной к переживаниям ее носителей, по сути – это стерилизованное знание, которое требует не только изоляции от контекста, но и разрыва с личным опытом. Как замечает П. Слотердаик, «для сознания, позволяющего отовсюду себя информировать, все становится проблематичным или безразличным»⁴⁵. Тотальность медиареальности удерживает архивную память, «разрушая память архаическую, опирающуюся на опыт боли, отчаяния, радости, встречи с сакральным»⁴⁶. Реальность растворяется в гиперреальности, происходит тотальный сплав передающего и получающего информацию; человек замыкается в мире вторичных изображений, бедных образов. Интенсивность информационных потоков приводит к неизбежному появлению огромного количества мусора (подобно тому, как в операционной системе компьютера неизбежно растет количество обрывков файлов, представляющих нулевую ценность); мусор последовательно забивает место, которое больше не сможет занять ценная информация – так возникает мнимый парадокс о том, что чем больше информации становится, тем острее информационный голод (мнимый потому, что мусор включен в объем), а затем и информационная зависимость; человек в итоге сам становится средой, которая, как говорил С. Жижек, на самом деле есть пустота. Эта среда деперсонализована и процесс затягивает, поскольку для выполнения операций с ней не нужно никаких усилий. Информация нуждается в гарантии точной передачи и сохранения,

⁴⁵ Слотердаик П. Критика цинического разума / [пер. с нем. А.Перцева; испр. изд-е] - Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ Москва, 2009. С. 559

⁴⁶ Савчук В.В. Конверсия искусства // Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/razdel-i-kontury-postinformacii#ref-1-2> [режим доступа: 04.05.16]

которой и становится человек. Медиареальность в качестве новой формы власти поглощает (как и форма власти Нового времени, описанная М. Фуко) старые стратегии ускользания, осваивая их в качестве репрессивных, так что теперь анонимность отмечена дуализмом исконного принципа, предполагающего возможность ускользнуть, и новой стратегии растворения, обезличивания. Человек может оставаться пассивным элементом сети, лишь перераспределяя потоки, либо попытаться совершить бегство. В обоих случаях принцип анонимности является ключевым: в качестве хранилища мемов человек превращается в безликого коммуниканта, при выходе из цифровой стерильности он движется к переживанию искренности и подлинности. Что интересно, оба варианта можно проиллюстрировать примерами из культового фильма «Матрица»: высятся огромные сооружения, в которых люди мирно спят, будучи подключенными к сети, а глубоко под землей, постоянно находясь в опасности, летают корабли тех, кто предпочел переход в рефлексивное состояние.

Медиа окончательно проявляются, когда обретают форму масс, то есть, когда создается среда тотальной коммуникации и информации. Новые медиа задают новую форму коллективного тела, при этом сами встраиваются в нее; формируется новая фигура, только что упомянутая здесь – фигура коммуниканта. Тело медиареальности состоит из коммуникантов и, что тоже уже прозвучало, использует коммуникантов, причем именно в тот же момент, когда последний считает наоборот, будто это он использует средства коммуникации. Коммуникант транслирует дискурс сети, он транслирует его и является условием его существования и производства. Тело медиума архаики требовало инициации, внимания, подготовки, вхождения в специальный режим восприятия, и только потом становилось готовым к коммуникации; сейчас же человек включается тем эффективнее, чем сильнее он редуцирован к коммуниканту, тому самому атомарному человеку, который отделен от других. Он суммирует повседневное и создает медиареальность. В какой

степени медиа выступает лишь в качестве средства, с такой же степенью они внедряются в тело, сознание, опыт, или, если сказать точнее – сами становятся условием всего этого. Анонимность теперь тоже узурпируется, становясь механизмом обезличивания и элиминации присутствия.

3.7. Стерильность, инвалидизация, дефицит

Стерильность информации требует стерильного адресата, что частично компенсируется за счет нагнетания потока информационных событий. Медиареальность характеризуется интенсивностью прожитого времени, о чем К. Вульф говорит как об «уплотненном времени»⁴⁷. Тело адресата подвергается расфокусировке за счет попадания в цифровую плоскость, где происходит калейдоскопический коллаж из событий, отчужденных от человека за счет исчезновения глубины экзистенциальной вовлеченности. Скорость также отключает способность эмоциональной реакции, сообщение окончательно утрачивает смысл и глубину сопричастности. Вообще проблема расфокусировки видится одной из наиболее острых при анализе медиареальности. С точки зрения тела как организма, переход к письму и чтению – это уже инвалидизация индивида, само освоение коммуникативных практик дано через институт педагогического насилия, в первую очередь физического: человека заставляют менять свои позы, вырабатывать новые и фиксировать их, заставляя тем самым подчиняться, реагировать на власть и управление. Чтение и письмо понижают степень телесной свободы и уменьшают горизонт телесных событий; переход к сетевым коммуникациям точно так же инвалидизирован с точки зрения традиционных практик чтения и письма, и так же сопровождается появлением новых форм насилия. Тело за монитором компьютера выглядит, как правило, очень странным и деформированным – современный человек использует порой предельно нелепые и вычурные позы, даже те, которые, казалось бы, совершенно

⁴⁷ Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / [пер. с нем. Г. Хайдаровой] - СПб.: Интерсоцис, 2009. – С. 107

неудобны и непригодны для долгого сохранения; человек в качестве перераспределяющего потоки информации роутера впадает в своего рода кататонический ступор. В конечном итоге вся жизненная сила тела перетекает в палец, лежащий на кнопке мыши и становящийся намного «умнее» мозга.

Сегментированная сеть переделывает пользователя на свой манер, он становится информационно мобильным, без усилий управляющегося с фрагментами информации; в результате его жизнь так же разбирается на фрагменты, рекомбинирующиеся случайным образом и теряющие эмоциональные связи. При этом молчание и отсутствие информации понимается теперь как неразвитость, неспособность поддержать коммуникацию – отсюда растет страх потерять источник информации и оказаться в ситуации информационного голода, именно поэтому «цифровое поколение», отмеченное печатью клипового мышления, ни на минуту не расстается со своими смартфонами. Причем, как уже было отмечено, информационный голод изначально возникает из-за «замусоривания» поля ценной информации, но когда человек окончательно встраивается в сеть в качестве коммуниканта, ценность информации заменяется ценностью процесса ее передачи или восприятия. Общество издревле развивалось постольку, поскольку могло собрать, сохранить и передать потомкам знания, но на этапе перехода к письменной культуре сбор и сохранение трансформируются в самоцель. Вообще акцент смещается на способность пропускать через себя куски информации, непрерывные во времени, но рассеченные; способность же целно проживать дискретные события жизни остается в стороне. Ж. Бодрийяр пишет о том, что знание в современном обществе растерзано на фрагменты мозаичного масштаба и не преодолевает уровня информации, а цифровые медиа одновременно наращивают производство социального и нейтрализуют его. Молчаливые массы теряют способность декодирования, наслаждаясь самой совокупностью знаков,

формой и способом передачи; так что вывод делается очень простой – в современном обществе вообще нет информации. Разумеется, информация есть, но принципиально важен именно момент концентрации на самом процессе циркулирования информационных потоков.

Впрочем, дефицит информации отметить все-таки можно. «Называя наше общество информационным, мы констатируем гипертрофированность аудиовизуальной информации в современной цивилизации» - пишет В.В. Савчук⁴⁸. Вероятно, то, что можно помыслить в качестве постинформационного общества, должно быть не отказом от информации, а радикальной переоценкой ценностей, которая не относится к аудиовизуальному сектору, то есть – вкус, обоняние, тактильность. Чем выше скорость получения информации, тем сильнее ощущается дефицит воли. Как отмечает Ж. Батай, «субъект, утомленный самим собой, почувствовав необходимость дойти до крайности – ищет экстаз, это так, но в нем нет воли к экстазу»⁴⁹. Это чувство сейчас крайне редко встречается. Все поле культуры теперь тотально обескровлено, превратившись в «пустыню стерильного». Отняв у принципа анонимности способность ускользания, сеть вынуждает индивида ускользнуть отовсюду, рассеявшись в потоках информации и размыв по дискурсивным практикам. Поиск точки опоры наталкивается на безразличие и индифферентность окружающего мира; без страстей жить невозможно, поэтому мы оказываемся лицом к лицу со смертельной скукой. Если раньше апатия считалась необходимым условием мысли разума, то теперь она радикально препятствует мысли тела. По своей природе человек – существо ранимое и ранящее, как было установлено при анализе ситуации архаики; жертва – это условие существования культуры, форма существования через боль и праздник, которые уравнивали насилие над топосом. Сейчас нам неведома такая ситуация, кровожадность культуры

48 Савчук В.В. Конверсия искусства // Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/razdel-i-kontury-postinformacii#ref-1-2> [режим доступа: 04.05.16]

49 Батай Ж. Внутренний опыт / [пер. с франц., послесловие и комментарии С. Л. Фокина] — СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. - 336 с.

заменяется стерильностью цивилизации. Если культура и будет сопротивляться такому опустошению – то с помощью стратегий искренности и сопричастности.

3.8. Апология анонимности: круг замкнулся

В концепции ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари концепт сети, которая состоит из узлов и точек, переосмысливается в виде постоянно соприкасающихся и плавающих линий и контуров. Подвижное множество линий, тем не менее, имеет середину – место, где все обретает скорость. Если мы взглянем через призму данного концепта как на предложенный С. Жижекком способ бытия субъекта, так и на конфигурацию медиареальности, то медиальной пустотой окажется именно эта середина, а точки самоидентификации (маски) – это своего рода линии ускользания. Субъект может быть представлен в виде медиальной пустоты, вокруг которой роится множество точек самоидентификации, на самом деле являющихся сетью медиаобразов. Выбор между ними лишь кажется свободным, как писал Ж. Бодрийяр, свобода выбирать таковой не является, поскольку нас скрытно принуждают к самой этой свободе, так что человек попадает в царство тотальной иллюзии. С другой стороны, субъект в качестве средоточия интенций к постоянному становлению в противовес застывшему узлу сети, может схватиться за линию ускользания, что дает возможность показать лицо, оставаясь при этом в маске. Медиареальность упорно соблазняет симулировать жизнь, в обеспечении чего достигла немалых успехов, но бытие культуры указывает на образование мест, где человек способен бороться со стерильностью. Как уже было сказано, тотальность контроля неспособна в полной мере охватить все кластеры, место побега было и есть всегда, даже в самых монструозных дистопиях; похитив способ передачи, сеть не смогла дешифровать послание – медиум не стал сообщением, принцип анонимности ускользает сам. Несмотря на всю последовательную

антигуманность медиареальности, возможность ускользнуть – только теперь это не выглядит как ловушка. Контроль и наблюдение, враждебность информации, массовое одиночество и отчуждение, дегуманизация реальности – все это дает возможность предположить, что современный человек остро нуждается в искренности и преодолении тотального отчуждения. Человек не хочет и не может жить в стерильности, у него есть глубочайшая потребность в сильных, насыщенных переживаниях и эмоциях. Вспомним снова фильм «Матрица»: ритуальная архаика Зина с его характерными ритмами барабанов, грязью и полуобнаженными иступленными танцами гнездится посреди холодного и дегуманизованного мира машин. Зин выступает как стигматизированный сегмент реальности, поскольку предельно чужероден окружающему его миру, но в то же время и как привилегированный. Чем выше контроль, тем сильнее сопротивление; стараясь максимально подавить, власть максимально провоцирует бунт, который человек поднимает, выступая за свои кластеры ускользания. Ради свободы от мучительного принятия решений люди идут к психоаналитику, за ощущением собственного тела идут в мазохистский клуб, ради отключения чувства независимости люди сбиваются в стаи футбольных хулиганов – культивируются стратегии новой искренности. Человек нуждается в периодическом самозабвении, в риске и силе экзистенциального напряжения, поскольку в современном мире он отлучен от боли, физического контакта и психологической зависимости; локальные сообщества предельно акцентируют внимание на межличностных коммуникациях, воспроизводят стратегию формирования коллективного тела, переживаемого как собственное. Именно в этом смысле снова фиксируется смысл анонимности как стремления слиться с коллективным телом, растворившись в потоках подлинных переживаний.

Можно также сказать о концепте мультимедиа, загоняющем человека в искусственные условия активации максимально возможного числа каналов, пробивающих анемию перцепции, которая неизбежно развивается в условиях

гиперинформации. Сутью становится попытка деформировать тело человека, мультимедийность – это экзистенциальный проект пробивания плоской поверхности, попытка вернуть объем. Но все же такая стратегия носит характер симуляции, вследствие чего еще более остро обнажается уже обозначенная проблема нереализованных потребностей в телесности архаического типа и коллективной форме. Встает во весь рост проблема усилия: приобретение новой информации без усилий тела и крови жертвы лишь увеличивает потребности, оставляя за границами симуляции все, что не задето разумом. Ведь ритуал – это место в Космосе, вписанное сразу во многое, и непоименованного, анонимного среди этого многого гораздо больше, но за счет анонимности включения в каналы получения мультимедийной информации не происходит. Наиболее эффективный способ критики – это критика изнутри: так, логику можно критиковать на путях логических парадоксов, а технонауку – в точках производства ее сбоев. Информационное общество обнаруживает дефицит живой информации, так что мультимедийные утопии пытаются моделировать полноту переживания за счет полноты каналов получения удовольствий и раздражений; но в цифровом пространстве нет боли. Поэтому потребность в страдании или хотя бы сострадании заявляет о себе по всему стерилизованному полю медиареальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анонимность в современности слишком часто трактуется и понимается поверхностно; тем не менее, это один из тех феноменов, которые лежат в самом основании культуры. Этот феномен находится почти в маргинальной зоне. Подобно тому, как исследования публичности по своим масштабам значительно превосходят исследования частного, так и исследования власти и контроля превалируют над исследованиями свободы. Впрочем, это также является следствием непонимания – анонимность если и понимается в качестве свободы, то зачастую также в негативном ключе, когда под «свободой» подразумевается сетевая анархия образа.

Как бы то ни было, в рамках данного исследования была предпринята попытка проанализировать, начиная с архаики, понятие анонимности, понятой в качестве фундаментального элемента культуры, возникающего вместе с ней и представляющей собой стремление освободиться от власти. Дальнейший ход исследования предполагает прослеживание линии столкновения анонимности и власти через анализ римского права, средневековых отношений церкви с еретиками, возникновения дисциплинарных обществ.

Включение художественного произведения в работу обусловлено желанием продемонстрировать специфичность организации структур власти, а также как противовес следующей по логике сюжета теме Интернета как якобы зоны свободы. Дальнейшее развитие исследования почти до самого конца представляет собой монотонное наращивание анализа современной дистопии средствами современной медиафилософии и наработок постструктуралистской теории.

Данное исследование имело основной целью прояснить понятие анонимности и вывести его в исследовательскую зону. В целом заявленные тезисы последовательно обоснованы, но данная работа не претендует на полноту и всеохватность, поскольку остались нерассмотренными, хоть и находящимися в проекте, многие феномены культурной реальности Европы, в том числе и современные, а также некоторые заявленные сюжеты остались раскрытыми не до конца, хотя и без ущерба для понимания сути.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Дж. *Genius / Профанации* [пер. с итал. К. Токмачева] - М.: Гилея, 2014. – 112 с.
2. Аксенова О.В. Публичное и частное в римском праве: аксиологический аспект: Автореф. дис. канд. юр. наук. – Казань, 2007. - 24 с.
3. Арутюнян Ю.И. *Номо viator: образ паломника в контексте средневековой европейской традиции* //Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – №. 1. - С. 65-71
4. Батай Ж. *Внутренний опыт* / [пер. с франц., послесловие и комментарии С. Л. Фокина] — СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. - 336 с.
5. Богучарский А.В., Марченко Т.А. *Феномен публичности в средневековой культуре* // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2012. - №2. - С. 103-109
6. Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или конец социального* / [пер. с фр. Н.В. Суслова.] — Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. - 96 с.
7. Вульф К. *К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал* / [пер. с нем. Г. Хайдаровой] - СПб.: Интерсоцис, 2009. - 164 с.

8. Вульф К. Миметическое воспроизводство эмоций и воспоминаний в ритуалах // Политическая концептология. – 2011. – №. 3. – С. 152-160.
9. Делез Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / [пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина] — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.
10. Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // abuss... URL:http://abuss.narod.ru/study/sph/text_12_deleuze.doc [дата обращения: 28.04.16]
11. Докинз Р. Эгоистичный ген / [пер. с англ. Н. Фоминой] - М.: Мир, 1993. - 318 с.
12. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19> [дата обращения: 03.05.16]
13. Жирар Р. Насилие и священное / [пер. с фр. Г. Дашевского] – М.: Новое лит. обозрение, 2010. – 448 с.
14. Еляков А.Д. Феномен тотального электронного наблюдения // Социологические исследования. – 2007. – №. 10. – С. 96-102.
15. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей / [Перевод с нем., сост., общ. ред. и вступительная статья В. Савчука] – СПб.: Издательство РХГА, 2010. - 174 с.
16. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: ООО «Издательство «У -Фактория», 2004. – С. 15
17. Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. – 2002. – №. 1. – С. 125-138
18. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / [пер. с фр. А. Поповой] - СПб.: Александрия, 2007. - 496 с.

19. Луман Н. Общество как социальная система / [пер. с нем. А. Антоновский] - М.: Издательство "Логос". - 2004. - 232 с.
20. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / [пер. с англ. В. Николаева] - М.; Жуковский: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
21. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / [пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава)] - М.: Логос, 2001. - 408 с.
22. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / [пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина] - СПб.: Ювента, Наука, 1999. - 609 с.
23. Митчем К. Что такое философия техники? / [пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова] — М.: Аспект Пресс, 1995. — 149 с.
24. Михель Д.В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко. // Журнал исследований социальной практики. - 2003. - Т.1. № 1. - С. 92-106
25. Моль А. Социодинамика культуры / [пер. с фр.] — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 416 с.
26. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. - М.: АСТ, Corpus, 2014. - 570 с. // Readli.net. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=342735&prg=1> [дата обращения: 04.05.16]
27. Оруэлл Дж. 1984. // Lib.ru. URL: <http://lib.ru/ORWELL/r1984.txt> [дата обращения: 26.04.16]
28. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / [пер. с англ. А. Гарькавого] — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. - 416 с
29. Роговский Е.А. Нужна ли анонимность демократическому информационному обществу? // Журнал «Россия и Америка в XXI веке». - 2003/ - №1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=361> [дата обращения: 02.05.16]

30. Савчук В.В. Конверсия искусства // Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/razdel-i-kontury-postinformacii#ref-1-2> [режим доступа: 04.05.16]
31. Савчук В.В. Кровь и культура. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995.— 180 с.
32. Савчук В.В. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия. // Медиа философия II. Границы дисциплины. URL: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/31.pdf [дата обращения: 10.05.16]
33. Савчук В.В. О предмете медиафилософии // Международный журнал исследований культуры: Культурная история медиа. - 2011. - № 3(4) URL: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/69-2011media> [дата обращения: 29.05.16]
34. Сеннет Р. Падение публичного человека / [пер. с англ. О. Исаевой и др.] - М.: Издательство "Логос", 2002. - 424 с.
35. Слотердаик П. Критика цинического разума / [пер. с нем. А.Перцева; испр. изд-е] - Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ Москва, 2009. - 800 с.
36. Тоффлер Э. Третья волна / [пер. с англ.] – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
37. Толковый словарь Ушакова // А Н О Н И М . URL:<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=699> [дата обращения: 25.04.16]
38. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 447 с.
39. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999. - 480 с.
40. Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. - М.: Праксис, 2002. – 384 с.

41. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Что такое автор? [пер. с франц. С. Табачниковой] - М.: Касталь, 1996. — 448 с.
42. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. [пер. с нем. М.М. Беляева и др.] — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — 416 с.
43. Шипицына А.А. Возрастание негации в комическом: от архаики к средневековью // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). - 2011. - №4. - С. 59-63
44. Штайн О. А. Маска в аспекте социальной коммуникации // Вестник ВятГГУ. - 2009. - №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/maska-v-aspekte-sotsialnoy-kommunikatsii> [дата обращения: 03.05.16]
45. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // PRO и CONTRA. URL: <http://vzms.org/umberto.html> [дата обращения: 04.05.16]
46. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / [пер. с нем. И.П. Стребловой] - СПб: Издательство "Владимир Даль", 2002. - 560 с.
47. Giddens A. The Nation-State and Violence. Vol. 2: of A Contemporary Critique of Historical Materialism. - Cambridge: Polity Press, 1985. - 399 p.
48. Klein N. China's All-Seeing Eye. - 2008. // URL: <http://www.naomiklein.org/articles/2008/05/chinas-all-seeing-eye> [дата обращения: 04.05.16]
49. Oxford Dictionaries // Anonymity. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/anonymity> [дата обращения: 25.04.16]
50. Nelson T.H. Ted Nelson's Computer Paradigm, Expressed as One-Liners // Xanadu Australia. URL: <http://xanadu.com.au/ted/TN/WRITINGS/TCOMPARADIGM/tedCompOneLiners.html> [дата обращения: 02.05.2016]

51. Steyerl H. In Defense of the Poor Image // e-flux journal. - 2009. - № 10. URL: <http://www.e-flux.com/journal/in-defense-of-the-poor-image/> [дата обращения: 02.05.16]